

Тетрадь № 3

Была ли Россия
начала XX века
«Россией на взлете»?

Москва

Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»

2018

УДК 94(470)"1901/1913"

ББК 63.3(2)53

Б-95

Авторы: *Д.С.Ветчинкин, Д.Б.Горшков, С.Е.Кургиян,
С.Б.Моисеева, Н.А.Поляков, А.А.Стратонников*

Главный редактор: *С.Е.Кургиян*

Была ли Россия начала XX века «Россией на взлете»? /

Б-95 Под. ред. С. Е. Кургияна. // Исторические тетради.

Тетрадь № 3. — Москва : МОФ ЭТЦ, 2018. — 56 с. : ил.

ISBN 978-5-7018-0565-9

Проект «Исторические тетради» начат Школой высших смыслов — интеллектуальным центром, созданным движением «Суть времени», — в год столетия Великой Октябрьской социалистической революции. Предметом исследования являются горячие точки истории СССР — исторические сюжеты, вокруг которых ведутся сегодня острейшие историко-политические споры. Третий выпуск посвящен обсуждению доказательств того, что, вопреки имеющему хождению мифу, Россия в начале XX века в экономическом и социально-демографическом отношении отнюдь не была готова «взлететь».

«Исторические тетради» адресованы как тем, кто готов отстаивать позитивное содержание советской истории, так и тем, кто, воюя с советским и коммунистическим прошлым, не лишен представления об историческом достоинстве. То есть о необходимости признать несомненность тех или иных исторических фактов, сохраняя за собой право на собственную их интерпретацию.

УДК 94(470)"1901/1913"

ББК 63.3(2)53

© С. Е. Кургиян, 2018

© Д. С. Ветчинкин, Д. Б. Горшков, С. Г. Моисеева,
Н. А. Поляков, А. А. Стратонников

© МОФ ЭТЦ, 2018

ISBN 978-5-7018-0565-9

Исторические трясины

Исторической трясинной я называю внедрение в сознание (недовольное банальностями советской пропаганды с ее избеганием всего того проблемного, травматического, что связано с советской историей) претенциозной либеральной антисоветскости с ее претензией на историческую объективность.

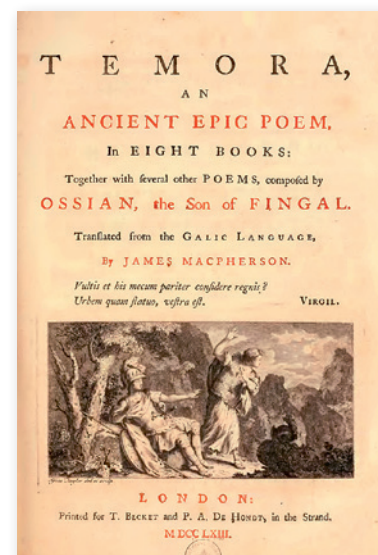
Человек, не подготовленный к самостоятельному осмыслению сложнейшей исторической проблематики, но уже достаточно образованный для того, чтобы отвергнуть советскую банальность, ищет альтернативы этой банальности. А поскольку альтернативой оказывается либеральный антисоветский интеллигент, убеждающий того, кто должен внять его измышлениям, в правдивости достоверно сообщаемых пропагандистских конструкций, то что поделать? Неподготовленный человек, чаще всего технократ, «западает» на такую пропагандистскую альтернативу именно как на достоверное знание. А западая на нее, подобный технократ или просто неискушенный правдоискатель буквально сходит с ума, рвет партбилет, проклинает отечество, которое в кровавых конвульсиях почему-то «уничтожило чуть ли не половину своего населения».

Чуть позже я обсужу, как эта, конечно же, основная **либеральная** псевдоисторическая трясина сочетается с трясинной другой, **нелиберальной**, но, может

быть, даже более коварной. А сейчас мне хотелось бы обсудить саму природу страстей по истории.

Можно ли представить себе бурное кипение страстей по истории в стране, где история — это **всего лишь** история? И где обсуждают историю как «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой». По-английски это звучит так: «*A tale of the times of old! The deeds of days of other years!*» Приведя эти пушкинские строки, являющиеся переводом с английского, я сразу, как это ни странно, выхожу на некую проблематику, имеющую уже не только отечественный характер.

Строки про дела давно минувших дней, знакомые читателю по гениальной пушкинской поэме «Руслан и Людмила», являются на самом деле пушкинским переводом строк из одной из «Поэм Оссиана», сочиненных английским писателем Джеймсом Макферсоном (а есть и лермонтовский перевод: «Сказание седых времен!.. Деянья прежних лет и дней!..»). У Макферсона, в отличие от Пушкина, подход к материалу, который можно назвать историческим, гораздо более сдержанный. Он действительно говорит о делах неких других лет (*other years*), не называя эти другие года давно минувшими. Это — во второй строке. А в первой он говорит скорее о сказках старых времен, чем о преданьях старины глубокой. Разница между пушкинским переводом

Титульный лист издания «Поэм Оссиана» 1763 года

Джордж Ромни.
Портрет Джеймса
Макферсона
(фрагмент). 1788

и оригиналом порождена не только разницей в языке, но и почти неуловимым, и при этом невероятно важным отношением к прошлому. У Пушкина это отношение, конечно, более трепетное. И это при том, что Макферсон был шотландцем, почитавшим свои традиции. Что не помешало ему эти традиции мистифицировать при сочинении своих «Песен Оссиана», которые являются вольной обработкой кельтских преданий, но при жизни Макферсона были названы литературной мистификацией. Кстати, после смерти Макферсона это отношение к его «песням Оссиана» было отчасти пересмотрено.

В чем, как мне представляется, правомочность рассмотрения темы Макферсона одновременно с темой реальных темпов развития России перед революцией 1917 года?

В том, что макферсоновские «песни Оссиана», в каком-то смысле, тоже были произведением политическим. И по этой причине данные «песни» (их полное название «Сочинение Оссиана, сына Фингала, переведенные с гэльского языка Джеймсом Макферсоном») были крайне популярны и обсуждались с яростной предвзятостью.

Дэвид Морье. Битва при Каллодене. 1746

Шотландцы, читавшие произведения Макферсона, помнили Второе якобитское восстание 16 августа 1745 года и знаменитую битву при Каллодене 16 апреля 1746 года, в которой шотландское ополчение, пошедшее за авантюрно настроенным Чарльзом Эдуардом Стюартом, претендентом на Британский престол, было разгромлено британскими войсками под руководством герцога Камберлендского. За этим последовала расправа над теми шотландцами, которые встали на сторону Стюарта.

Макферсон входил в самый мятежный из шотландских кланов, поддержавших Стюартов. Свои поэмы он публиковал с 1758 по 1763 год. С момента разгрома при Каллодене не прошло и 20 лет. Вся шотландская тема была очень горячей. И адресация Макферсона к стародавним временам ничего не меняла по существу. Любое воскрешение кельтской темы, по сути, было скрытым мятежом против представителей Ганноверской династии, изгнавших из страны боготворимых шотландцами Стюартов. Скрытый сторонник Стюартов Макферсон и враги Стюартов, например главный оппонент Макферсона Самуэль Джонсон, воевали не на жизнь, а на смерть. На какое-то время восторжествовала группа Джонсона, обвинившая Макферсона в фальсификации истории и даже мистификации. А потом начала побеждать группа Макферсона.

Я был в Шотландии несколько раз. Причем именно там, где развернулась битва при Каллодене. А развернулась она около Инвернеса, на территории относительно равнинной Шотландии. Во время своих поездок я разговаривал с шотландцами, которые прославляли бездарного вождя шотландской армии принца Чарльза Стюарта. «Bonnie Prince Charlie», — говорили они, закатывая глаза и восхищаясь этим красавчиком Чарли, он же — Молодой Претендент (The Young Pretender). «Проклятая немецкая Ганноверская династия», — го-

ворили они по отношению к правящему королевскому дому Виндзоров.

Прошли столетия со времени скандала с Макферсоном. Но они ничего не значили для тех, кто жил в параллельном историческом времени. А в нем живут и продолжают жить многие.

Бродя по комнатам шотландских замков, в которых жили представители английской и шотландской аристократии, и глядя на галереи портретов, я тогда отчетливо понял, что историческое время — штука невероятно коварная. И что история живет одним способом на страницах патентованных исследований, другим способом — в народных глубинах и каким-то способом, отличным от того и другого, в умах аристократии, у которой есть своя история. Эти три истории различны не только по своему содержанию, но и по тому, что приходится вслед за Гегелем назвать историческим Духом.

Я вовсе не являюсь поклонником Гегеля. Я отдаю себе отчет в том, какую пагубную роль продолжает играть его концепция конца истории в жизни человечества. Ибо не Фукуяма и не его учитель Кожев, а Гегель, он и только он породил эту отрицаемую Марксом концепцию, ставшую ключевой доктриной Запада после краха СССР.

Я много раз искал какое-нибудь другое слово, способное охарактеризовать различия трех историй: академической, народной и аристократической — противоречиво сосуществующих в общественном сознании. И каждый раз слово «дух» оказывалось больше всего соответствующим существу проблемы.

А эта проблема — отнюдь не историческая в узком смысле этого слова. Шотландия в итоге начинает отпадать от Великобритании, не так ли? То же самое происходит с Каталонией, отпадающей от Испании. И ведь лиха беда начало! Как назвать ту сокровенность, которая привела в действие эти отделения, как, впрочем, и многие другие напряженности, влияющие на процессы, определяю-

щие характер мировой истории? Почему эта сокровенность способна спрятаться на целые столетия в недрах коллективной памяти, уснуть, сокрывшись в этих недрах, спать там очень и очень долго, не умирая, и пробуждаясь начать снова ворожить, определяя константы реальной мировой политики?

Что проснулось в Карабахе, решающим образом повлияв на целостность СССР? Что порождало потаенную мощную и страстную ненависть русской аристократии к Романовым? Одна моя родственница, которую я помню очень смутно, еще при жизни Сталина, проклиная и его, и большевиков, отождествляемых ею с теми или иными инородцами, именovala Сталина «бичом божьим, покаравшим проклятых Романовых». И вспоминала все их давние прегрешения так, как будто бы столетия ничего не значили.

Джон Петти. Bonnie Prince Charlie (принц Чарльз Стюарт). 1898

Конфликт между сторонниками Стюартов и сторонниками так называемой Ганноверской династии... Конфликт между антиромановскими аристократическими кругами и Романовыми... Что это? Только ли пепел остывшего исторического противостояния? Или же под этим пеплом всё еще прячется непотухший огонь? Кто хранит этот огонь? Только ли угасающие аристократические семейства?

Путешествуя по Шотландии, моя семья пользовалась услугами егеря, милейшего человека, относившегося к нам с искренней доброжелательностью. Узнав, что моя дочь хочет посетить шекспировские места (конкретно — место, где, согласно тому, что Шекспир описал в «Макбете», «*Бирнамский лес пошел на Дунсинан*»), егерь сказал дочери с огромным чувством внутреннего достоинства: «Леди, я не читал Шекспира». Однако, нужное место он нашел и с любопытством следил за странными русскими, которых интересует разного рода литературная чушь.

Отвозя нас на небольшую шотландскую железнодорожную станцию, этот милейший человек спросил меня о том, как надо относиться к бытую-

щей в определенных кругах версии о русской угрозе. Шел 2001 год. Пытаясь быть честным, я сказал ему, что помнящие войну советские геронтократы, такие, как Брежнев и Черненко, никогда ни на кого бы не напали, а молодые хищные постсоветские олигархи могут, если им это будет выгодно, аж кинуть бомбу на Лондон. Я говорил об этом в некоем аллегорическом ключе. Но егерь понял меня буквально и сказал: «На Лондон — можно. Сюда не надо». Он сказал это с глубоким чувством. Этот егерь не принадлежал к шотландской аристократии. Но такие, как он, проголосовали за отделение Шотландии от Великобритании и в каком-то смысле ввели этим в систему глобальных уравнений мировой политики некие новые переменные.

А разве не то же самое сделали каталонцы сейчас или карабахские крестьяне 30 годами раньше?

В Карабахе я впервые оказался с аналитической миссией в конце 80-х годов XX века, когда там всё уже по-настоящему разогревалось. Пригласил меня туда Аркадий Иванович Вольский, возглавлявший в 1988–1990 годах Комитет особого управления Нагорно-Карабахской автономной областью. Беседуя с одним из представителей очень своеобразной карабахской элиты, я, как и подобает аналитику, жадно впитывал ценнейшие для меня сведения о раскладе клановых сил.

Одновременно приходилось пить местное вино и поедать шашлык. Человек, делившийся со мной сведениями, говорил, что в Карабахе по-своему понимают демократию, что тут есть свободный выбор между возможностью пить до дна или до конца. Он шуточно говорил о том, что других возможностей нет, но между этими можно делать демократический выбор.

Открывая очередную бутылку вина, он вдруг грустно сказал: «Народ, который хочет переписывать свою ис-

Томас Лукас. *Бирнамский лес пошел на Дунсинан*. 1861

Роджер Гриффит. Бирнамский лес. 1800

торию, обречен на то, чтобы перекраивать территорию». И добавил: «Так до дна или до конца мы будем это пить?» Мне вдруг показалось, что, говоря это, он имеет в виду не вино. И что его фраза имеет непосредственное отношение к тому, что называется «молением о чаше» («*Авва Отче! всё возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня*»). Мой собеседник был прав. Народы СССР пошли на поводу у интеллигенции (или точнее, интеллигенций) и, поверив в переписываемую историю, вняли призывам крутых малоинтеллигентных парней, которые под это переписывание истории стали перекраивать территорию и приватизировать собственность.

Поверив переписывателям истории, народы СССР испили горькую чашу.

Пока еще нет оснований говорить, что они испили ее до дна. На момент распада СССР за пределами Российской Федерации находилось более 20 миллионов этнических русских. Всего же за пределами своих этнических территорий находилось порядка 40 миллионов людей (то есть примерно каждый седьмой житель Советского Союза). Началось неслыханное выдавливание как бы чужеродного населения с перекраиваемых на моноэтнический манер территорий. Унизительное разделение на титульные и нетитульные нации... Кровавые конфликты и их жертвы... Можем ли мы оценить, сколько людей оказалось в унизительном положении беженцев? Если говорить о русских, то, по разным подсчетам, это от 5 до 10 миллионов человек.

Москва, 1989 год (фото — Берт Кунс)

Только в одном Таджикистане за период с 1992 по 1993 год погибло минимум 60 тысяч человек, 60 тысяч человек бежало в Афганистан, 195 тысяч — в Узбекистан и Россию, около миллиона людей стало так называемыми внутренними переселенцами. А это ведь всего одна горячая точка!

В какой степени за это ответственно переписывание истории? Оно ли стало основной причиной перекраивания территории, породившего чудовищные человеческие лишения? Каких духов из каких именно глубин вызвали переписыватели истории? Что сотворили эти духи с людьми?

И можно ли сегодня сказать людям: «Послушайте! Вы уже стали жертвами этих духов, помутивших ваш разум. Опомнитесь, пока не поздно! Перестань-

те внимать переписывателям истории! Оставьте истории ее удел — удел преданий старины глубокой! Займитесь настоящим и будущим, отвергнув историческую страсть, которая принесла вам столько горя!»

Я убежден, что такое обращение к здравому смыслу не породит его победы над тем, что для человека важнее, чем этакое осторожное здравомыслие. Что рассуждения о том, сколько именно горя принесло переписывание истории, не станут заклятиями, позволяющими изгнать из нашей жизни страсти по истории. Я убежден в том, что люди хотят исторической правды, а не изгнания из их жизни исторических страстей, породивших страшные бедствия. Человек бесконечно сложен, многомерен и категорически несводим к отказу от неких знаний в связи с тем, что они порождают и скорбь, и самые различные злоключения.

Полностью разделяю призывы не превращать исторические дискуссии в кулачные бои. Но очень хорошо понимаю, почему такие бои в принципе возможны. Потому что народам СССР была действительно навязана некая война за странный ресурс под названием история. И в этой войне победили люди очень цепкие, яростные и отнюдь не склонные церемониться по части всего, что связано с исторической достоверностью. Этим людям поверили лет 30 назад. А теперь понимают, что, поверив, совершили страшную ошибку.

Если наша история будет окончательно превращена в трясину кровавой бессмысленности, то эта трясина поглотит весь наш народ и после этого начнет исторгать из себя нечто, имеющее общемировое значение и тесно связанное с незавершенными кровавыми вождельничествами Третьего рейха.

Лето 1989 года... Еще только формируется та трясина, в которой должна сгинуть и наша история, и наше советское — добытое с огромными жертвами,

небезусловное, но важнейшее для человечества — бытие.

И вдруг из этой трясины вылезает некая статья в достаточно блеклом, но не лишенном оправданных амбиций американском журнале *National Interest*. Статья написана профессором Френсисом Фукуямой. Называется она «Конец истории». Статью начинают лихорадочно раскручивать. Блеклый и скучный Фукуяма становится чуть ли не пророком № 1. Пророк сообщает, что не только наша история отнята у нас этой самой кем-то сооруженной трясиной. Что вся история человечества вот-вот угодит в эту же трясины. А после этого из трясины появится монстр, знакомый человечеству по самым мерзким химерам Третьего рейха. Монстром этим будет постчеловек, презирающий гуманизм, отвергающий различие добра и зла, не способный ни на развитие, ни на любовь.

Потом в трясины гибнет до конца наше бытие. А фукуямовский монстр постчеловечества начинает свое — почти что триумфальное — шествие по планете.

Можно либо капитулировать перед монстром, либо отстоять то, что он пытается пожрать. А пытается он пожрать не абы что, а человека как такового. Для этого ему нужно уничтожить историю как творческое развитие человека и человечества.

Начинаешь следить за триумфальным шествием монстра и понимаешь: с нас всё началось, но не нами кончится. Нашу историю превратили в трясины, затянув в нее то, что сулило надежды на настоящее историческое развитие. Но коль скоро надежды на настоящее историческое развитие нет, то почему бы не затянуть в эту трясины и всю человечность, и весь гуманизм, и всё наследство, доставшееся человечеству от предшественников, умевших любить, верить, мечтать, надеяться.

Понятно, что нас утопили в трясины, но только ли нас?

Проведен ли эксперимент только с нашей историей или с историей как таковой?

Ведется ли война, в которой историческая ложь является важнейшим оружием, только с нами или со всем не до конца расчеловеченным человечеством?

И можем ли мы уклоняться от участия в этой войне?

1990 год. Делегаты Съезда народных депутатов РСФСР колеблются, не могут внятно оформить альтернативную Горбачеву политическую стратегию. С одной стороны, они увлечены Ельциным как альтернативой Горбачеву. И то ведь — матерый, резкий мужик, острый на язык, свой в доску, крупный партийный руководитель и хозяйственник... С другой стороны, депутатам не по себе от того, куда именно этот мужик начинает торить дорогу, по которой им предстоит пойти. Проект под названием «Ельцин» вот-вот может рухнуть. Антиельцинские силы на Съезде народных депутатов РСФСР близки к победе. Что делают ельцинисты? Они — конкретно Сергей Станкевич — ведут депутатов в кинотеатр, где им показывают фильм Станислава Говорухина «Так жить нельзя». Депутаты остро переживают показанное.

1990 год, Съезд народных депутатов РСФСР

И — поддерживают Ельцина незначительным большинством. Незначительным, но фактор под названием «влияние фильма Говорухина на результаты голосования» нельзя расценивать как ничтожно малый. В условиях, когда так колебались чаши весов, достаточно было маленькой гирьки для того, чтобы результат взвешивания определил судьбу России надолго. Взяв власть из рук депутатов, Ельцин оплатит им за это с предельным политическим цинизмом — и поделом. Но, как говорят в народе, это только цветочки, ягодки — впереди.

1992 год. Советский Союз рухнул, но пока еще это обрушение нельзя назвать по-настоящему необратимым. Только начинаются гайдаровские реформы. Негативная общественная реакция на них предсказуема. Съезд народных депутатов РСФСР всё больше выходит из-под контроля оголтелых антисоветско-псевдолиберальных реформаторов. Делегаты съезда прекрасно понимают, каковы настроения на местах. Вот-вот разгорится конфликт между реформаторами, опирающимися на Ельцина, и большинством Съезда. И народные массы, и связанные с ними депутатские круги начинают осознать, что их тянут куда-то не туда. Да и куда, собственно, их тянут? Их тянули в некое разрушительство. Но оно завершено с распадом СССР. Теперь надо строить жизнь в оставшейся России. Что, если это строительство будет осуществляться с какой-то ориентацией на что-то советское? Этого нельзя допустить. Но как этого не допустить? Какова должна быть трясина, в которую провалится уже не только советскость как таковая, но и русский вариант этой советскости, безусловно более живучий, чем все иные варианты — прибалтийские, среднеазиатские, кавказские и так далее.

Что делать с этой русской советскостью, которая окопалась в высшей законодательной власти, прочно удержива-

ется в массовом российском сознании? Ей надо что-то противопоставить. Но что же именно?

Ответ на этот вопрос надо было давать незамедлительно. И он был дан.

Постсоветскому зрителю показывают фильм Станислава Говорухина «Россия, которую мы потеряли».

Вот одна цитата из фильма: *«Россия. Загадочная и незнакомая страна. Так уж получилось, что мы ничего не знаем о ней. Поэтому, наверное, и живем так трудно и так глупо... Чем больше узнаешь эту незнакомую страну, тем крепче влюбляешься в нее. Это происходит невольно... То, что покажем мы, — это как бы впечатление человека, который начал узнавать историю своей страны в зрелом возрасте. И всё, что мы узнавали в процессе съемок, переворачивало душу. Как так случилось, почему Господь отнял у людей разум, как можно было разграбить и уничтожить такую богатую страну? И почему, почему мы ничего не знали о ней, о своей Родине?»*

На экране — 90-летняя крестьянка А. И. Комлева. Она говорит о дореволюционных крепких хозяевах, которых, по ее выражению, советская власть *«начала рвать, начала щипать»*. Говорухин восклицает: *«Как можно было разграбить богатейшую страну?»* Зрителю показывается каркающее воронье, являющееся символом такого разграбления. Начинается противопоставление двух России — той, что существовала до так называемого большевистского нашествия, и той, которая *«изгажена большевиками»*.

Та, прежняя страна была великолепна. В ней было великолепно всё: купцы, земцы, учителя, врачи, великолепен образцовый семьянин Николай II, великолепны экономика, промышленность, строительство, быт, великолепен подлинный великий революционер-созидатель Столыпин, который не чета разным там Лениным.

Великолепно настоящее досоветской России. Но еще великолепнее ее будущее. Если бы не большевики — эти исчадия ада — то Россия к середине XX века господствовала бы над Европой и над миром.

Зрителю говорят: «Вот куда тебя приведут. В эту идеальную, отнятую у тебя большевиками Россию. А ты, дурачок, чего хочешь? Неужто прельститься вновь речами наследников тех гадов, которые отняли у тебя такую замечательную Россию?»

Фильм Говорухина был показан в 1992-м. Ельцинский переворот состоялся годом позже. Связано ли одно с другим? Да, связано, и тут меньше всего хочется всё сводить к фильму Говорухина.

Ведь одно дело — классическая историческая трясина, сооружаемая в фильме Абуладзе «Покаяние» или в разного рода либерально-антисоветских псевдоисторических псевдохрониках. И другое дело — особая историческая трясина, которую можно назвать «исторической трясиной а-ля рус».

Обычную трясину создают такие, как Абуладзе, как Сванидзе. Трясину «а-ля рус» создают другие. И она намного коварнее. Никому из либералов народ уже не поверит. А вот Жириновскому с его антиисторическими рассуждениями, вопиюще расходящимися с фактами, еще в какой-то степени верят. И Говорухину верят. Потому что беспощадная критика большевизма соединяется со столь же беспощадной критикой современной олигархической либеральной грабильки, хорошо знакомой по ельцинским временам. Потому что у создателей трясины «а-ля рус» есть своеобразная любовь к их России. В них нет огульного отрицания всего российского исторического пути.

Так, может быть, они правы, эти апологеты дореволюционной России, они же — хулители большевизма, у нас эту замечательную Россию укравшего?

Повторяю, наш народ никогда не отнесется к своей истории по принципу «приму ту историю своей страны, которая меня избавит от злоключений». Народ примет только правду. Он ко многому может подходить прагматически, но не к своей истории.

Так отняли ли у нас большевики некую великолепную в своем настоящем и еще более великолепную в своем будущем великую досоветскую Россию? Да или нет?

Ведь мы понимаем, что какую-то Россию большевики у народа, конечно же, отняли. Любой революционер нечто отнимает и нечто дает. Вопрос в том, что отнято и что даровано вместо отнятого.

Понимаем мы и то, что отнятая большевиками Россия была неоднозначна. Что закрашивать ее одной только черной краской (тюрьма народов, страна повальной нищеты, обитель бескультурия, страна вековой отсталости и так далее) — это значит усугублять всю ту же историческую трясину. И попросту работать в одной связке с либералами, которым что Сталин, что Петр Великий, что Иван Грозный... всё одна шайка тиранов и великодержавников, препятствующих вхождению в мировое сообщество.

Как нам быть в условиях такого расклада сил? На что ориентироваться? На элементарную политическую конъюнктуру? На несколько более благородный, нежели эта конъюнктура, политический прагматизм, он же — «за единство державников»? Или на настоящую правду, не используемую для того-то и того-то, а самоценную?

Убежден, что именно ставка на такую правду является единственной стратегически выигрышной. Искать ее, добывать ее, проверять ее, доносить ее до людей — вот то единственное, что дает России в ее нынешней ситуации какой-то шанс на спасение, на непотопление в разных трясинах — и либеральной, и той, которую я назвал «а-ля рус».

*Дмитрий Ветчинкин, Дмитрий Горшков,
Светлана Моисеева, Николай Поляков,
Алексей Стратонников*

Была ли Россия начала XX века *«Россией на взлете»?*

Доказанное и укоренившееся в СССР представление о России конца XIX — начала XX вв. как о преимущественно аграрной стране, отсталой в промышленном отношении, в постсоветские годы нередко называют *«историческими фальсификациями»* и *«советским мифом об отсталости дореволюционной России»*.

Начиная с перестройки, в противовес этому представлению настойчиво формируется то, что можно назвать мифом со знаком плюс. Одно за другим следуют заявления о том, что Российская империя конца XIX — начала XX вв. была *«Россией на взлете»* и имела все возможности исторически почти мгновенно стать одним из лидеров мировой экономики.

Истоки и воспроизведение мифа

Сергей Сергеевич Ольденбург

Сторонники апологетического пересмотра экономического и социального состояния Российской империи перед Первой мировой войной почти всегда ссылаются не на фундаментальные исследования исторического или экономического характера, а на недавние работы публицистического плана.

В числе таких публицистических опусов, создающих миф о России 1913 года как «России на взлете», можно выделить несколько как бы наиболее «убедительных». Это прежде всего документальный фильм С. Говорухина «Россия, которую мы потеряли»¹ (сценарий к которому вышел отдельной брошюрой²), программные материалы ЛДПР³, а также цикл телевизионных передач «Исторические хроники с Николаем Сванидзе»⁴.

На что же опирается всё упомянутое мифотворчество, воспевающее величайшие успехи и радужные перспективы Российской империи накануне Первой мировой войны?

Анализ содержания и «научных» ссылок в перестроечной и постперестроечной мифологии по данному вопросу показывает, что вся она восходит к трем основным «первоисточникам».

Первый из этих источников — объемный труд эмигранта С. С. Ольденбурга «Царствование Императора Николая II» в двух томах, охватывающий весь период царствования Николая II (1894–1917)⁵.

Двухтомник носит откровенно апологетический характер. В нем, в частности, утверждается, что «на двадцатом году царствования императора Николая II Россия достигла еще невиданного в ней уровня материального преуспевания»⁶.

¹ «Россия, которую мы потеряли» (реж. Станислав Говорухин, 1992).

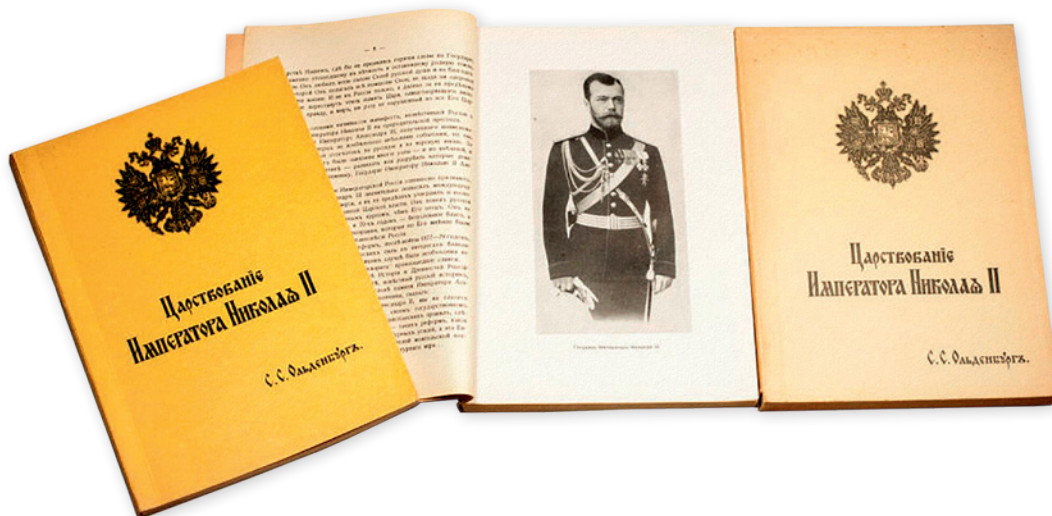
² Говорухин С. С. Россия, которую мы потеряли. М., 1991.

³ ЛДПР. Россия на взлете. М., 2016.

⁴ «Исторические хроники с Николаем Сванидзе» (телепередача). 2003–2013 гг. 96 выпусков.

⁵ Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Т. 1. Белград, 1939; Т. 2. Мюнхен, 1949.

⁶ Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Т. 2. Мюнхен, 1949. С. 111.

Книга С. С. Ольденбурга «Царствование Императора Николая II» в двух томах

Несколько слов о С. С. Ольденбурге и обстоятельствах, при которых это исследование появилось на свет. Сергей Сергеевич Ольденбург — выпускник юридического факультета Московского университета, до революции работал в Министерстве финансов. В 1920 году эмигрировал во Францию. В эмиграции сильно нуждался. Свое исследование написал по заказу Высшего монархического совета (ВМС), созданного в немецкой Баварии в 1921 году.

Чем же был этот самый Высший монархический совет?⁷

Председателем ВМС был Н. Е. Марков, возглавлявший в 1910–1917 гг. черносотенный «Союз русского народа»⁸. Марков — ревностный сторонник российской династической императорской линии «Кирилловичей», с которыми был связан с 1922 года. После смерти великого князя Кирилла Владимировича признал право на престол его сына — Владимира Кирилловича⁹.

⁷ Высший Монархический Совет (ВМС) — организация сторонников реставрации монархии в России, созданная в 1921 г. в Рейхенгалле (Бавария, Германия), финансировалась русско-германским обществом «Ауфбау» («Возрождение»). Председателем ВМС был избран Н. Е. Марков. После смерти Великого князя Николая Николаевича ВМС поддерживал претензии на российский престол Великого князя Кирилла Владимировича, а затем его сына — Владимира Кирилловича Романова («Кирилловичи»).

⁹ Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил / Сост. и коммент. Д. Стогов / Отв. ред. О. А. Платонов. — М., 2011. С. 34.

Владимир Кириллович Романов (1917–1992) — единственный сын великого князя Кирилла Владимировича в браке с Викторией Мелитой Саксен-Кобург-Готской (великой княгиней Викторией Федоровной), разведенной супругой великого герцога Эрнста Людвиг Гессенского. В 1924 г. Владимир Кириллович получил от отца, провозгласившего себя «Императором Всероссийским», титул великого князя. С 1938 г. — претендент на российский престол; частью монархистов считался главой Российского Императорского дома. Супруги поддерживали германский национал-социализм, в том числе материально. 29 июня 1941 г., в качестве Главы Российского Императорского дома, В. К. Романов призвал поддержать «крестовый поход» против «коммунизма-большевизма». В 1948 г. вступил в брак с Леонидой Георгиевной Кирби (Багратион-Мухранской) (1914–2010), разведенной супругой американского гражданина Самнера Мора Кирби. Летом 1990 г. В. К. Романов выразил симпатии Генсеку ЦК КПСС М. С. Горбачеву, а затем — Б. Н. Ельцину. В 1989 г. провозгласил свою единственную дочь Марию Владимировну наследницей Российского престола. После смерти отца М. В. Романова заявила о своем главенстве в Российском Императорском Доме и объявила своего сына Георгия наследником-цесаревичем.

Владимир Кириллович Романов и Г. К. Граф. 18 декабря 1938 г.

⁸ Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил / Сост. и коммент. Д. Стогов / Отв. ред. О. А. Платонов. — М., 2011. С. 17.

«Союз русского народа» (СРН) — массовая черносотенная монархическая организация, созданная в 1905 г. для противодействия революции. Основатели СРН — А. И. Дубровин, В. М. Пуришкевич и др. Согласно уставу (1906), основными положениями организации являлись: единство России, самодержавие, Земский собор как совещательный орган, православный радикализм, антисемитизм, религиозная нетерпимость, шовинизм, сохранение общинного землевладения. СРН существовал на взносы, добровольные пожертвования и правительственные субсидии. После подавления революции 1905–1907 гг. СРН распался на ряд враждебных друг другу организаций: «Союз Михаила Архангела» под руководством В. М. Пуришкевича, «Союз русского народа» под руководством Н. Е. Маркова, «Всероссийский дубровинский СРН в Петербурге» под руководством А. И. Дубровина. После Февральской революции 1917 г. все черносотенные организации были распущены.

Николай Марков

В 1936 году Марков поступил на службу к нацистам: редактировал русскую версию антисемитского еженедельника, занимающегося «просвещением в еврейском вопросе». Далее активно поддерживал нападение фашистской Германии на СССР¹⁰.

¹⁰ В письме своему племяннику Н. Е. Марков писал:

«„Drang nach Osten“ раньше был словесным пугалом для ребят, теперь это неудержимое стихийное движение Аттилы, облеченного в газовую маску и летящего на воздушном броненосце. Не пройдет и года, как два молота — один с запада, другой с востока сплющат нашу злосчастную болванку — Россию с двух концов. Из этого мучительного процесса наше отечество выйдет с отрубленными краями, изувеченное <...>. Россия выживет, но выйдет она из-под пепла СССР умаленная и стесненная орлами черными и белыми, драконами, опаляемая жгучими лучами Красного Солнца. Мы должны готовиться к тяжелой операции и увь! не можем и не должны мешать этой операции <...>. Пусть уж режут нас по живому мясу! Из сего иносказания ты усмотришь намеченную нами здесь линию поведения: не мешать операции.»

Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library, Bakhtmeteff archive (USA). N. E. Markov Papers. Collection. Box 1. Письма Н. Е. Маркова. Письмо от 6 апреля 1935 г. Цит. по А. Иванов, С. В. Машкевич, А. С. Пученков «Царь и народ: вот формула нашего времени». О взглядах Н. Е. Маркова в 1930-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 1.

Обложка брошюры Б. Бразоля «Царствование императора Николая II в 1894–1917 гг. в цифрах и фактах»

¹¹ Русские в Северной Америке Биографический словарь / Под редакцией К. М. Александрова, А. В. Терещука. — Хэмден (Коннектикут, США) — Сан-Франциско (США) — Санкт-Петербург (Россия), 2005. С. 336.

Комитет освобождения народов России (КОНР) — орган политического руководства антисоветскими организациями, действовавшими на оккупированных фашистской Германией территориях. Создан 14 ноября 1944 по согласованию с главой СС Г. Гиммером на учредительном съезде в Праге, где была принята политическая платформа («Пражский манифест»). Согласно утвержденному Гиммлером манифесту, целями КОНР являлись «освобождение» народов России от «большевистской системы», «прекращение войны и заключение почетного мира с Германией». Председателем президиума КОНР стал генерал А. Власов.

¹² Записки последнего кирасира / Публ. [и вступ. ст.] А. В. Шахова // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII — XX вв.: Альманах. М.: Рос. Архив, 1995. С. 547–636. — Из содерж.: Мейер Ю. К. Записки белого кирасира. С. 549–636. [Т.] VI.

¹³ Там же.

¹⁴ Бразоль Б. Л. Царствование императора Николая II в 1894–1917 гг. в цифрах и фактах. Нью-Йорк, 1959.

Двухтомник Ольденбурга был написан по заказу ВМС под руководством Н. Е. Маркова. Первый том был издан в 1939 году под эгидой ВМС. Вторым том вышел в 1949 году стараниями Ю. К. Мейера — члена того же ВМС, власовца, руководителя секретариата Главного Гражданского управления Комитета освобождения народов России (КОНР)¹¹.

После капитуляции фашистской Германии Мейер находился в американской зоне оккупации, преподавая русский и немецкий языки в Школе военной разведки американской армии в Мюнхене¹². С 1953 г. Мейер перебрался в США, где работал в Школе разведки американского ВМФ, активно участвовал в политической жизни США в статусе президента Республиканского клуба¹³. В 1981 г. Мейер предпринял еще одно издание труда Ольденбурга.

Второй (и самый известный) «источник вдохновения» для популяризаторов мифа «Россия на взлете» — брошюра Б. Л. Бразоля «Царствование императора Николая II 1894–1917 в цифрах и фактах»¹⁴. Впервые книжка вышла в Нью-Йорке в 1959 году на русском и английском языках.

Борис Львович Бразоль — юрист по образованию, в 1906–1915 гг. служил помощником министра юстиции России И. Щегловитова. В 1916 году Бразоль вошел состав Комиссии по расследованию деятельности Заготовительного комитета по закупке боевого снаряжения для Российской армии в США и нормализации его работы (в отношении этого комитета были серьезные подозрения в финансовых махинациях).

Указанная Комиссия выехала в США в мае 1916 года. В 1917 году Борис Бразоль подал в отставку и перешел на службу в Военно-торговую палату США, но уже в 1918 году он начинает работу в Военно-разведывательном управлении США¹⁵, то есть становится кадровым американским разведчиком.

Б.Л.Бразоль еще в России был известен как радикальный антисемит. В эмиграции он оказался в рядах крайне правой организации «Возрождение» («Ауфбау»), объединяющей белых эмигрантов и видных деятелей немецкого национал-социализма (Альфреда Розенберга, Эриха Людендорфа, М. Э. фон Шойбнер-Рихтера и др.)¹⁶.

В 1920-х гг. Б.Бразоль на почве крайнего антисемитизма теснейшим образом взаимодействовал с американским «автомобильным королем» Генри Фордом. Считается, что именно Бразоль при активном (в том числе финансовом) участии Г.Форда познакомил американскую общественность с так называемыми «Протоколами сионских мудрецов»¹⁷.

При посредничестве Бразоля Форд передавал средства на нужды германских нацистов и претендента на российский престол великого князя Кирилла Владимировича. В послевоенные годы, когда монархические группы из Европы, члены которых запятнали себя сотрудничеством с Гитлером, перебрались в США и Латинскую Америку, Бразоль прилагал большие усилия для консолидации враждующих между собой эмигрантских монархических организаций¹⁸.

В 1949 году ему на помощь в Нью-Йорк приехал известный монархист и поклонник нацизма, также русский эмигрант, Н.Н.Чухнов. Во время Второй мировой войны Чухнов воевал в Добровольческом батальоне СС «Варяг» в Югославии, служил в штабе генерала фон Паннвица, затем — у генерала Туркула¹⁹. После выхода в 1947 году из лагеря «перемещенных лиц» в американской зоне оккупации в Мюнхене активно реанимировал монархическое движение за рубежом, стал Генеральным секретарем ВМС по Германии и Австрии. После войны активизировал сотрудничество ВМС с Комитетом объединенных власовцев (КОВ) под руководством генерала Туркула²⁰.

Результатом деятельности Бразоля и Чухнова стало послевоенное объединение монархических организаций на съезде, прошедшем в марте 1958 года в Нью-Йорке. Съезд создал Общероссийский монархический фронт (ОМФ), куда вошли 29 монархических организаций, включая ВМС. Руководителем Исполнительного бюро ОМФ был избран Бразоль²¹.

Именно после этого объединения Исполнительное бюро ОМФ издало брошюру Бразоля «Царствование Императора Николая II. 1894–1917. В цифрах и фактах» под общим патронажем потомков великого князя Кирилла Владимировича («Кирилловичей»), в свое время, вновь напомним, поддержавших национал-социализм и сотрудничавших с Гитлером, а также претендовавших на российский престол.

Как мы видим, речь идет о членах одного и того же узкого круга: Мейер и Чухнов были членами Высшего монархического совета ВМС, Бразоль был теснейшим образом связан с ВМС и создавал Объединенный монархический фронт ОМФ. Исследование Ольденбурга было написано по прямому заказу ВМС, брошюра Бразоля — под эгидой ОМФ. Весь этот круг был вовлечен в династические интересы «Кирилловичей» в России и тесно связан как с верхушкой нацистской Германии, так и с радикально антисемитскими группами в США и далее — с американскими спецслужбами.

Иными словами, оба главных источника мифа о предреволюционном благоденствии Российской империи — это плод пропагандистских усилий представителей определенного круга антисоветской и антисемитской монархической эмиграции и ее нацистских и позже американских «покровителей».

Брошюра Бразоля, по сути, представляет собой дополненный и расширенный конспект экономической части двухтомника Ольденбурга. Об этом го-

¹⁵ Виктория Курченко. Борис Львович Бразоль 1885–1963 //Новый Журнал. Литературно-художественный журнал русского Зарубежья. 2015. № 281.

¹⁶ Richard Spence. The Tsar's Other Lieutenant: The Antisemitic Activities of Boris L'vovich Brasol, 1910–1960 Part II: White Russians, Nazis, and the Blue Lamoo. P. 680–706 // Journal for the Study of Antisemitism, 2012, volume 4, No.2.

¹⁷ William H. Thomas. Unsafe for Democracy: World War I and the U. S. Justice Department's Covert Campaign to Suppress Dissent. Univ of Wisconsin Press. 2009. P. 106.

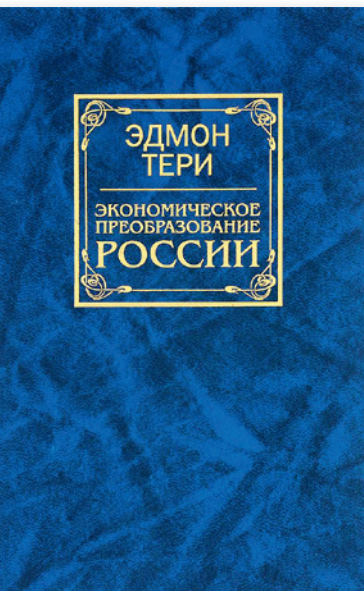
Протоколы сионских мудрецов — одна из самых известных литературных мистификаций конца XIX в. Впервые были опубликованы в 1903 г. в России в крайне правой газете «Русское знамя». Выдавались за секретные черновые документы Первого сионистского конгресса, прошедшего в Базеле в 1897 г., которые раскрывали программу завоевания мира лидерами «мирового иудейства». В 1921 г. филологическая экспертиза текста «Протоколов» показала, что это подделка на основе плагиата из книги М.Жоли «Диалог в аду между Макиавелли и Монтескье, или Макиавеллистская политика в XIX в.» (1864). «Протоколы» сыграли важную роль в становлении идеологии правых движений, особенно национал-социализма в Германии, где издавались многомиллионными тиражами.

¹⁸ Виктория Курченко. Указ. соч.

¹⁹ Русские в Северной Америке Биографический словарь / Под редакцией К.М.Александрова, А.В.Терещука. — Хэмден (Коннектикут, США) — Сан-Франциско (США) — Санкт-Петербург (Россия). 2005. С. 560–561.

²⁰ Там же.

²¹ Виктория Курченко. Указ. соч.

Обложка книги Э. Тери «Экономическое преобразование России»

²² Тери Э. Экономическое преобразование России. М., 2008.

ворят подборка фактов в этой брошюре, а также стиль и язык доказательств. Многие предположения, «передергивания» фактов, фальшивые документы в исследованиях Ольденбурга и Бразоля совпадают практически дословно.

При этом оба эти автора вводят в свои работы данные из **третьего источника** мифа — опубликованной в 1914 году книги французского экономиста Эдмона Тери (Тьери) «Экономическое преобразование России»²².

Книга Тери появилась по заказу правительства Франции и французских банков — основных кредиторов Российской Империи. Их важнейший интерес состоял в высокоприбыльном размещении в России свободных французских капиталов как в форме инвестиций во французские предприятия, так и в виде кредитов. Тери должен был убедить (и убедить заказчиков), что французские инвестиции в России прибыльны и находятся в безопасности, а кредиты будут возвращены с оговоренными процентами.

Потому Тери, используя официальную российскую статистику, отбирает из нее и сводит в таблицы главное по этим вопросам, и далее откровенно пишет: *«Эта таблица... объясняет стабильность обмена и постоянно растущий внешний кредит России, ибо средний излишек годового экспорта, данные по которому в ней содержатся, достаточны для того, чтобы справиться с бременем внешнего долга и недостатком промышленности»*²³.

То есть Тери прежде всего доказывает, что Россия, нуждающаяся в инвестициях, способна еще долго занимать деньги и обслуживать долги. А появляющиеся в книге (и затем цитируемые Бразолем) фразы о том, что развивающаяся Российская империя когда-нибудь может и превзойти кредиторов, Тери вставляет лишь для того, чтобы убедительнее выполнить порученный ему заказ.

Возвращаясь к Ольденбургу и Бразолю, отметим, что они практически не используют данные экономических исследований, опубликованных после начала Первой мировой войны и опирающихся на гораздо более широкую и точную статистическую базу. Хотя и перед Второй мировой войной (когда писал свой труд Ольденбург), а тем более — после ее окончания (когда писал свою брошюру Бразоль) такие данные были хорошо известны западным специалистам. Это и ежегодные (с 1920-х гг. до 1945 года) достаточно подробные и квалифицированные отчеты Лиги Наций об экономической ситуации в разных странах и в мире в целом, и работы русского и советского экономиста Кондратьева, и материалы возглавляемого им Конъюнктурного института при Наркомате финансов СССР, издававшиеся, в том числе, и на иностранных языках.

Рассмотрев основные труды, к которым апеллируют публицисты, продвигающие утверждение об экономическом и промышленном «взлете» России конца XIX — начала XX века, можно утверждать, что два наиболее часто цитируемых источника — плод труда черносотенных кругов эмиграции, которые сотрудничали с Гитлером и были связаны с американскими спецслужбами, а третий — ангажированное исследование, основанное на узкой статистике и призванное убедить инвесторов в кредитной надежности России.

Теперь, понимая генезис и качество первоисточников, питающих миф о Российской империи 1913 г. как «России на взлете», рассмотрим действительное состояние дел в различных сферах жизни нашей страны в этот период.

²³ Тери Э. Указ. соч. С. 9.

Перевозка золота в Государственном банке. 1909

«Бездефицитный бюджет»?

Начнем с таких — самых бесспорных — экономических показателей, как бюджет. Хватает ли доходов на покрытие необходимых расходов? Растет ли долг государства?

Удивительно, но можно мистифицировать даже такие показатели. Сегодня встречаются многократные перепечатки из брошюры Б. Л. Бразоля, повторяющие, что *«Императорская Россия строила свою политику не только на бездефицитных бюджетах, но и на принципе значительного накопления золотого запаса»*²⁴.

При этом приводится таблица доходов и расходов обыкновенного бюджета (млн руб.) *Табл. 1:*

Год	Обыкновенные доходы	Расходы	Превышение доходов над расходами
1908	2418	2388	30
1909	2526	2451	75
1910	2781	2473	308
1911	2952	2536	416
1912	3104	2669	335

Делается вывод: *«За последние 10 лет до 1-й Мировой войны превышение государственных доходов над расходами выразилось в сумме 2400000000 рублей».*

²⁴ Бразоль Б. Л. Царствование императора Николая II в 1894—1917 гг. в цифрах и фактах. Минск, 1991. С. 4.

Да, принцип бездефицитного бюджета в тогдашней России соблюдался. Для финансового ведомства империи было очень важно выполнять это условие обеспечения валютного золотого стандарта, то есть иметь возможность обменивать рубли на золото по твердому курсу. Без этого просто нельзя было размещать отечественные ценные бумаги за рубежом и получать кредиты на хороших условиях. Потому в тот период дефолт или даже крупный бюджетный дефицит для Российской империи был категорически неприемлем. Министр финансов С. Ю. Витте подчеркивал, что *«бюджетное равновесие представляет основную цель при составлении государственной росписи»*²⁵.

Но действительно ли доходы бюджета России превышали расходы?

На самом деле бюджет Российской империи складывался из «обыкновенного» и «чрезвычайного». В обыкновенный бюджет входили постоянные обычные расходы на текущие потребности государства. И здесь, действительно, никакого дефицита нет, а есть и рост, и стабильное положительное сальдо (*рис. 1-а*)²⁶.

А вот с чрезвычайным слагаемым бюджета (которое сторонники Ольденбурга и Бразоля, как правило, не приводят) всё было намного хуже. Его расходная часть включала в себя военные расходы, расходы на выкуп в казну имеющих частных железных дорог и сооружение новых дорог, расходы на восстановление после русско-японской войны, а также на досрочные выкупы займов²⁷.

Чтобы покрывать эти расходы, приходилось постоянно привлекать новые внешние займы, которые и составляли 90% «доходов» (!!!) чрезвычайного бюджета. Тем не менее, несмотря на регулярную кредитную подпитку чрезвычайного бюджета²⁸, его сальдо обычно оказывалось отрицательным (*рис. 1-б*)²⁹.

Еще раз подчеркнем, что при таком подсчете государственные кредиты попадали в «доходную» часть, а государ-

ственный долг (внутренний и внешний) рос (*рис. 1-в*)³⁰.

Быстрый рост российского госдолга в середине первого десятилетия связан с мировым кризисом начала XX века, с русско-японской войной и с резким ухудшением состояния экономики империи в ходе революции 1905 года. В 1906 году даже встал вопрос о государственном банкротстве России, и спасти империю от финансового краха удалось только благодаря беспрецедентному французскому займу на сумму около 843 млн золотых руб.³¹.

После 1909 г. совокупный российский госдолг стабилизировался и в последние годы перед Первой мировой войной даже начал снижаться. То есть, как заявляют сторонники рассматриваемого мифа, ситуация в стране накануне войны, несмотря на большой долг, являла собой относительное финансовое благополучие, в том числе с точки зрения состояния общего (консолидированного) бюджета империи.

Что скрывалось за этим относительным благополучием, мы рассмотрим ниже. Сейчас же зафиксируем тот факт, что мифотворцы «России на взлете» скрывают за положительным балансом предвоенного обыкновенного бюджета жизнь в кредит, а за формальным накоплением золотого запаса — рост государственного долга.

Каковы в действительности были состояние и динамика государственных финансов Российской империи в годы, предшествующие Первой мировой войне, показывает следующая таблица³² (в млн руб.) *Табл. 2*.

Как мы видим, реальный финансовый итог экономической жизни России за 11 предвоенных лет — не накопление 2400 млн руб., а потеря 1900 млн руб. Наглядно это показывает следующий *рис. 1-г*. Мы убеждаемся в том, что профицит обыкновенного бюджета в эти годы «съедается» дефицитом чрезвычайного бюджета, а одновременно накапливается внешний долг.

²⁵ Витте С. Ю. Конспекты лекций о народном и государственном хозяйстве. СПб., 1912. С. 458.

²⁶ Ежегодник России. 1908 г. (Год пятый) СПб., 1909. С. 203; Статистический ежегодник России. 1914 г. (Год одиннадцатый) СПб., 1915. С. XII-9. *На диаграмме под доходами подразумевается сумма доходов и остатков от заключенных смет.

²⁷ Россия 1913 год: статистико-документальный справочник / отв. ред. А. П. Корелин. СПб., 1995. С. 153.

²⁸ Там же.

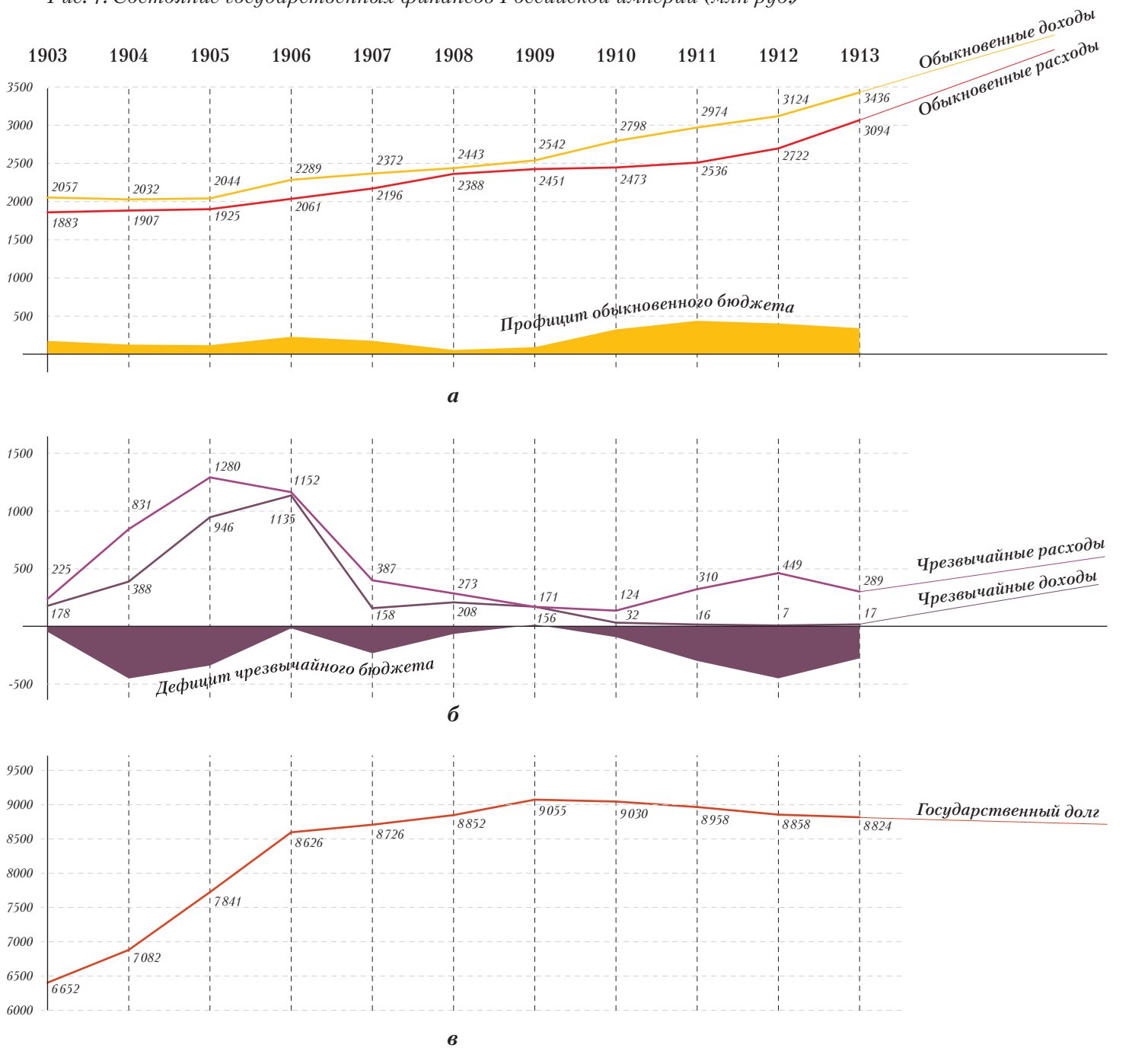
²⁹ Ежегодник России. 1908 г. (Год пятый) СПб., 1909. С. 203; Статистический ежегодник России. 1914 г. (Год одиннадцатый) СПб., 1915. С. XII-9. *На диаграмме под поступлениями подразумевается сумма поступлений и остатков от заключенных смет.

³⁰ Зив В. С. Государственное банкротство и иностранные капиталы. Пг., 1918. С. 10.

³¹ Мельников М. В. Бюджетная система России в XIX — начале XX вв. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 71. С. 171.

³² Ежегодник России. 1908 г. (Год пятый) СПб., 1909. С. 203; Статистический ежегодник России. 1914 г. (Год одиннадцатый) СПб., 1915. С. XII-9; Зив В. С. Указ. соч. С. 10.

Рис. 1. Состояние государственных финансов Российской империи (млн руб.)

1903	1904	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912	1913	Итого	
174	126	118	228	176	55	91	325	438	403	341	2475	Сальдо обыкновенного бюджета
-47	-443	-333	-17	-229	-65	14	-92	-294	-442	-272	-2219	Сальдо чрезвычайного бюджета
127	-317	-215	211	-53	-10	105	233	144	-39	70	256	Общий бюджетный профицит
8	430	759	785	100	126	203	-25	-72	-100	-34	2180	Рост госдолга
119	-747	-974	-574	-153	-132	-98	258	216	61	104	-1924	Итого баланс

Табл. 2. Состояние государственных финансов Российской империи (млн руб.)

↑
2

Нам могут возразить, что сам по себе внешний долг ни о чем не говорит. Действительно, одновременно нужно видеть, идут ли привлекаемые займы во благо развитию экономики. То есть вкладываются ли полученные кредиты в рост экономики или «проедаются» в сфере потребления, и каковы возможности их вовремя гасить.

Исследователи указывают, что до 1900 г. сделанные Россией займы шли в основном на развитие страны — форсированное строительство и выкуп в казну железных дорог и, отчасти, создание предприятий государственной («казенной») промышленности. Непроизводительные займы в этот период составили только около 15% внешнего государственного долга³³. А уже в 1900–1908 гг. почти все заграничные государственные займы предназначались для удовлетворения непроизводительных «общих нужд» (военные расходы, восполнение бюджетного дефицита, обслуживание внешнего долга и т.п.)³⁴. В итоге к 1914 г. только 3 млрд из 4,5 млрд золотых рублей внешних государственных заимствований были истрачены на развитие экономики страны³⁵.

Но проблема была не только с растущим госдолгом империи. Дело было еще и в том, что капитал, обеспечивающий развитие России в начале XX века, как финансовый, так и промышленный, оказывался во всё большей степени иностранным.

Состояние промышленного капитала в России в это время мы рассмотрим ниже. В том же, что касается ситуации с финансовыми активами России, выясняется, что в 1914 г. доля иностранного капитала в 18 главных акционерных банках страны составляла в среднем 42,6%³⁶.

Очевидно, что такая глубокая зависимость от иностранного капитала, по определению, не могла не проблематизировать экономический суверенитет империи. Ведь коммерческие интересы владельцев иностранного капитала, за редкими исключениями, вовсе не совпадают со стратегическими интересами страны, которая желает этот капитал использовать.

Потому вопрос о том, куда пойдут иностранные инвестиции, всегда оказывается одним из самых сложных и спорных. Тем более в условиях, когда уже немало проницательных специалистов

³³ Бовыкин В. И. Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России. Очерки. М., 1997. С. 6.

³⁴ Там же.

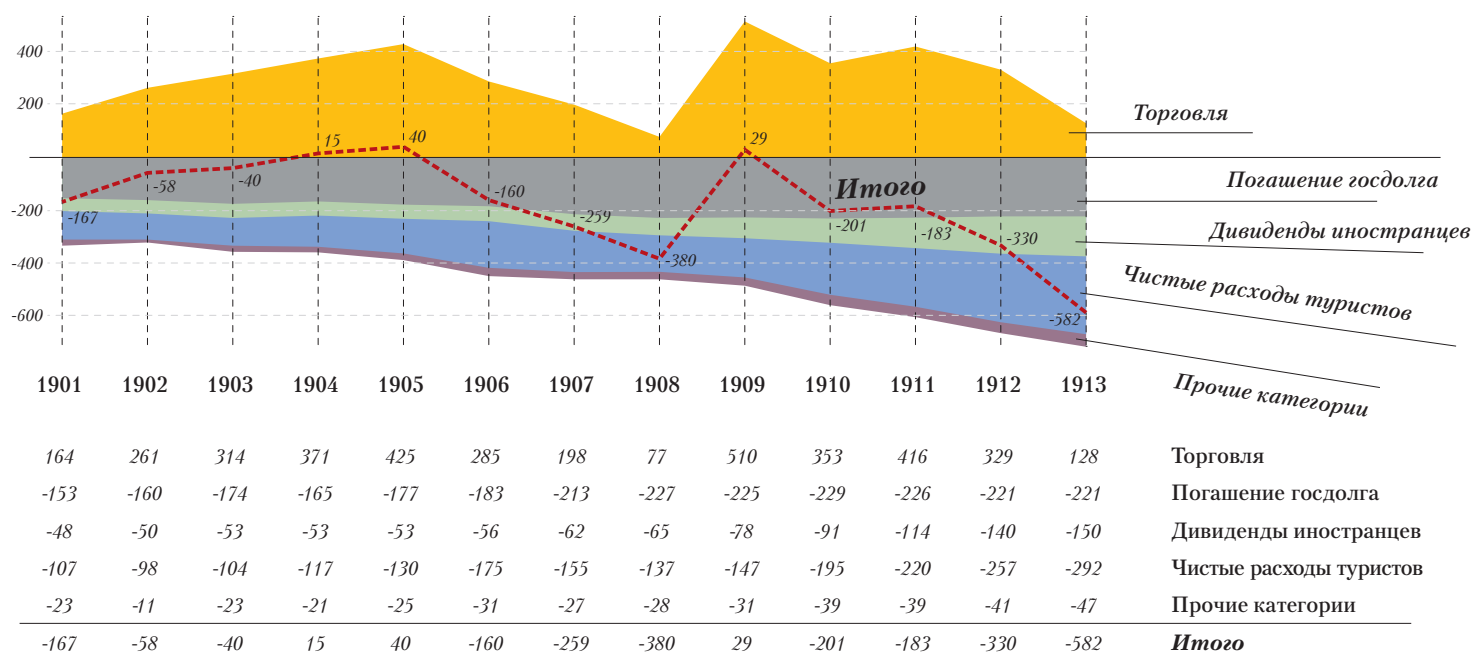
³⁵ Там же.

³⁶ Иконников В. В. Денежное обращение и кредит СССР. М., 1954. С. 90.

Здание Государственного банка в Нижнем Новгороде М. Дмитриев. 1913

Рис. 2. Структура внешнего текущего баланса Российской империи (млн руб.)

видели обострение противоречий между ведущими европейскими державами в борьбе за мировые рынки, и не исключали возможности скорой войны.

Но даже если вывести за скобки риски будущей войны, экономические позиции страны-должника в мировой системе существенно зависят от перспектив спроса на ее продукцию. Рост российской экономики на рубеже XIX–XX вв. был связан, в первую очередь, с быстрым ростом мирового спроса на российское зерно. Однако, как мы знаем, после Первой мировой войны этот рост спроса прекратился, а во время депрессии 1930-х годов спрос и цены на зерно и вовсе резко обрушились³⁷. Если финансовые власти империи допускали возможность такого изменения мировой конъюнктуры, то как они собирались в этом случае расплачиваться по накопленным долгам?

Но и это не всё. Начиная с 1905 года, в России нарастали проблемы в структуре внешнего платежного баланса. Сальдо текущих операций Российской империи в предвоенный период было почти всё время отрицательным³⁸.

Хотя внешняя торговля и приносила немалые доходы, из них около 200 млн

золотых руб. (по тем временам гигантская сумма!) ежегодно уходили на процентные выплаты по внешнему долгу. При этом отметим, что поступления от новых займов (то есть новые долги) в баланс текущих операций не входят.

Устойчиво росли и показатели в категории «чистые расходы туристов», которые в 1913 г. достигли 292 млн руб., а за весь период 1903–1913 гг. составили 1929 млн руб. (заметим, столько же, сколько составили за этот период общие финансовые потери империи!). Исследователи связывают эти расходы, представляющие собой чистый вывоз капитала из страны, в первую очередь со стремлением богатых и обеспеченных подданных Российской империи хорошо развлекаться и покупать товары в Европе³⁹.

Дефицит текущего баланса приходилось компенсировать операциями с капиталом и финансовыми инструментами. Или, попросту говоря, привлекать очередные иностранные инвестиции и кредиты. И чем дольше шло развитие по этой модели, тем сильнее оказывалась потребность в заграничной финансовой «помощи».

³⁷ Лихачёв М. О. «Слабое звено»: Российская империя в глобальной экономике конца XIX — начала XX вв. // Вестник МГГУ им. Шолохова. История и политология. 2015. № 3. С. 23–25.

³⁸ Там же. С. 25; Григори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). Новые подсчеты и оценки, М., 2003. С. 69–70, 222–230.

³⁹ Лихачёв М. О. Указ. соч. С. 26; Григори П. Указ. соч. С. 217.

М. Дмитриев Кулебакский горный завод. «Дубинушка». 1910-е

«Один шаг до экономического лидерства»?

Центральный тезис рассматриваемого мифа, циркулирующий в нашей стране со времен перестройки, утверждает, что Российская империя конца XIX — начала XX вв. беспрецедентно быстро развивалась и, если бы не большевики, то смогла бы не только догнать, но и в самое ближайшее время перегнать многие ведущие страны мира, занять одно из лидирующих мест в мире по своему экономическому развитию. «К 1914 году Россия вошла в пятерку крупнейших индустриальных

держав мира. Остался только шаг, чтобы занять в этой пятерке первое место»⁴⁰, — говорится, к примеру, в официальной партийной литературе ЛДПР, повторяющей тезисы Ольденбурга и Бразоля.

Однако для того, чтобы кого-то догнать и перегнать, нужно не просто быстро бежать, необходимо бежать быстрее других. Развивалась ли Россия быстрее других в конце XIX — начале XX вв.?

В период с 1885 по 1913 гг. ВВП Российской империи вырос приблизительно

⁴⁰ ЛДПР. Россия на взлете. М., 2016. С. 16.

но вдвое. В то же самое время ВВП Германской империи увеличился в 2,37 раза, США — в 2,92 раза, Японии — в 3,6 раза. Даже в странах «старого» капитализма, которые уже начали сдавать свои лидерские экономические позиции в глобальном мире, таких, как Великобритания и Франция, ВВП за указанный период увеличился в 1,74 и 1,64 раза соответственно (рис. 3-а)⁴¹.

Но и по темпам роста подушевого ВВП Россия также стояла далеко не на первых местах в мире, уступая США, Германии, Франции и даже Японии (рис. 3-б)⁴².

Уже этих данных достаточно, чтобы усомниться в том, что Российская империя в обозримом будущем могла рассчитывать на призовые места в гонке за мировое экономическое лидерство.

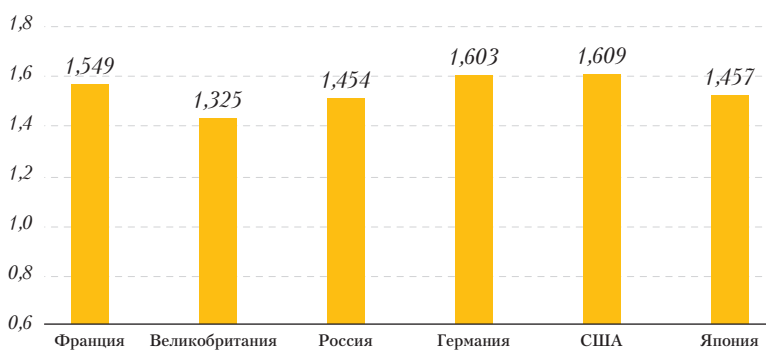
Но дело было не только в росте национального или подушевого ВВП. После технологической революции XIX в. положение великой державы можно было занять и отстоять лишь при соответствующем промышленном потенциале. Это стало ясно уже в провальную для России Крымскую войну и неоднократно подтверждалось в разных вооруженных конфликтах конца XIX века. При доминировании даже в российской промышленности простого ручного труда никаких шансов выйти на передовые рубежи мирового развития у Российской империи не было.

Для быстрого развития промышленности в крестьянской стране, для преодоления технологического отставания и создания высокоразвитой национальной индустрии были нужны очень большие средства. В России же практически не было внутренних накоплений, способных финансировать масштабное промышленное развитие. Основной промышленный рост достигался за счет государственных программ поддержки железнодорожного строительства и оборонных казенных программ, которые финансировались главным образом за

Рис. 3. Рост общего и подушевого ВВП стран за 1887–1913 гг. (разы)

а

б

счет широкомасштабного поступления в страну иностранного капитала, в том числе в виде прямых инвестиций в новые производственные мощности. «Привлечение иностранных капиталов представляется одним из условий для развития отечественной промышленности...»⁴³ — указывал министр финансов И. Вышнеградский. Той же политики придерживался и его преемник на посту главы Минфина С. Витте.

Оплачивалось же развитие промышленности в огромной степени за счет зарубежных кредитов и экспорта продукции товарного сектора сельского хозяйства (как, по свидетельству очевидца, говорил министр Вышнеградский, «сами не будем есть, но будем вывозить»⁴⁴). Именно этот сектор обеспечивал включение страны в формирующуюся систему глобального рынка и глобального разделения труда, приносил стране золото, давал возможность

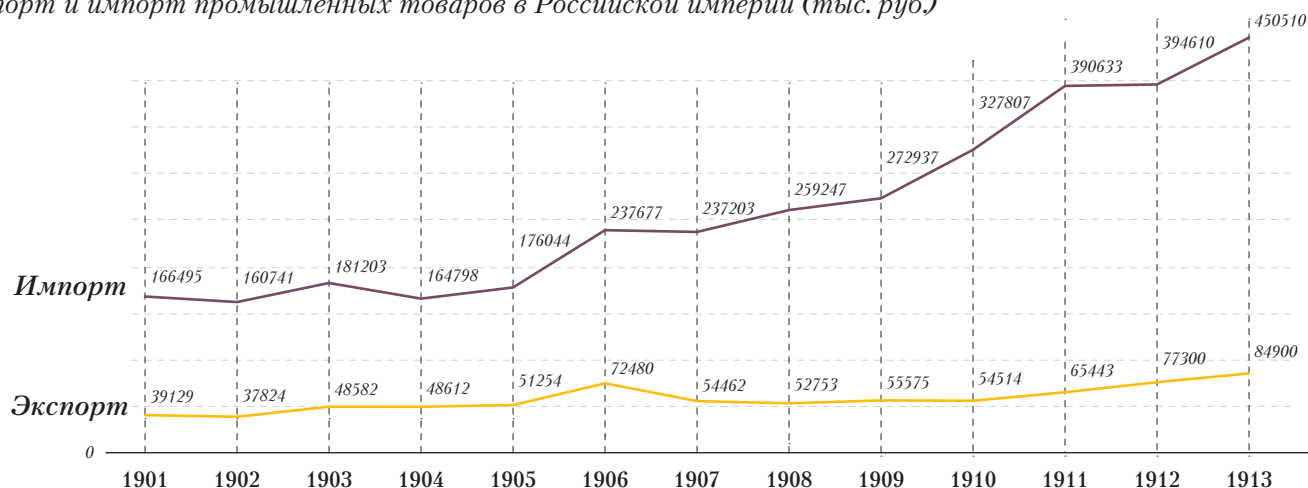
⁴¹ Лихачёв М. О. Указ. соч. С. 20.

⁴² Рассчитано по таблицам Мэдисона URL: <http://www.ggdс.net/maddison/maddison-project/home.htm>

⁴³ Цит. по Шепелев Л. Е. Царизм и акционерное учредительство в 1870—1910-х годах / Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Д-октябрьский период. Л., 1972. С. 280.

⁴⁴ Шванебах П. Х. Денежное преобразование и народное хозяйство. СПб., 1901. С. 21.

Рис. 4. Экспорт и импорт промышленных товаров в Российской империи (тыс. руб.)

приобретать необходимые технологии и производственные активы. Никаких серьезных попыток изменить сложившуюся ситуацию в начале XX века не предпринималось. Не поднимался вопрос и о разработке государственной стратегии, направленной на преодоление этой тенденции.

В результате разрыв между стоимостью промышленного импорта и экспорта Российской империи неуклонно рос (рис. 4)⁴⁵.

Далее, говоря о стране, «стремительно идущей по пути технического прогресса»⁴⁶, пропагандисты рассматриваемого мифа о «России на взлете» почему-то всегда забывают упомянуть, что периоды роста национальной экономики и промышленного производства чередовались с периодами экономических кризисов, свойственных капиталистическому развитию.

После активного роста в 90-е годы XIX в. Российскую империю, как и весь мир, охватил кризис 1900 года. Но, в отличие от западных стран, он в нашей стране продолжался значительно дольше. Только к концу 1909 г. российская экономика начала показывать признаки оживления.

Нельзя не признать, что за 30 лет, предшествующих Первой мировой войне, промышленность Российской импе-

рии действительно совершила крупный шаг вперед. Появлялись принципиально новые отрасли в народном хозяйстве, такие, как химическая, нефтяная, топливная промышленность, строительство. Развивалась металлургия.

Однако при этом страна так и не смогла уйти от экспортно-сырьевой модели экономики. Товары высокого промышленного передела приобретались за вывозимые ресурсы. Станкостроение, точное машиностроение, электротехническая отрасль в России фактически отсутствовали.

«Прозевала» Российская империя и начало новой технологической волны, когда чугун и пар начали уступать свое место стали и электричеству. Новые высокотехнологические направления промышленного производства — такие, как двигатели-, турбино-, автомобилестроение, — присутствовали в России либо в зачаточном состоянии, либо на уровне «отверточной» сборки.

Первоначальный толчок развития, который дали стране реформы Александра II, постепенно угасал. Среднегодовые темпы роста промышленности, мощь которой и должна была определять роль страны в наступающем индустриальном мире, уменьшалась от царствования к царствованию. Эти темпы с 8% в среднем во времена Алексан-

⁴⁵ Россия 1913 год: статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 21.

⁴⁶ Говорухин С. Россия, которую мы потеряли. М., 1991. С. 5.

Табл. 3. Среднегодовой прирост основных фондов Российской империи по периодам

1900–1905	0,90%
1905–1911	0,85%
1911–1913	0,90%

дра II упали до 5,5% в царствование Николая II⁴⁷.

Потому, подчеркнем, ни о каком ежегодном промышленном 19%-ном росте в Российской империи, о котором говорит Николай Сванидзе в цикле своих «исторических» телепрограмм⁴⁸, речи быть не может.

Модель экономики, ориентированная на экспорт сырья при высоких мировых ценах, принципиально не предполагала возможности прорывного развития. Не наблюдалось ни подготовки к переводу экономики на новые рельсы, ни попыток разработки и реализации программ развития промышленности с опорой, прежде всего, на собственные ресурсы. Это, в частности, показывает тенденция среднегодового прироста основных фондов Империи в начале XX века.⁴⁹ Табл. 3.

Очевидно, что такой мизерный прирост основных фондов был принципиально не способен обеспечить даже «догоняющее» или, тем более, «опережающее» развитие промышленного комплекса страны.

Тем не менее, сторонники рассматриваемого мифа в качестве доказательства стремительного индустриального развития дореволюционной империи приводят тот факт, что доля России в мировом промышленном производстве увеличилась с 3,1% в 1881 году до 5,3% к 1914 году.

Эти цифры верны. Однако достаточно ли был такой подъем для того, чтобы Россия смогла занять призовое место в пятерке крупнейших индустриальных держав мира?

Обратимся к докладу Лиги Наций от 1945 г., из которого и были взяты названные выше показатели. Доклад был посвящен состоянию мировой торговли и промышленности конца XIX — середины XX в. и приводит уточненные на основании новых статистических данных сравнительные показатели развития стран мира⁵⁰.

Более наглядно эти соотношения представлены на рис. 5 для стран Европы⁵¹.

⁴⁷ Пересчет по Смирнов С. В. Динамика промышленного производства и экономического цикла в СССР и России, 1861 — 2012. М., 2012. С. 69—71.

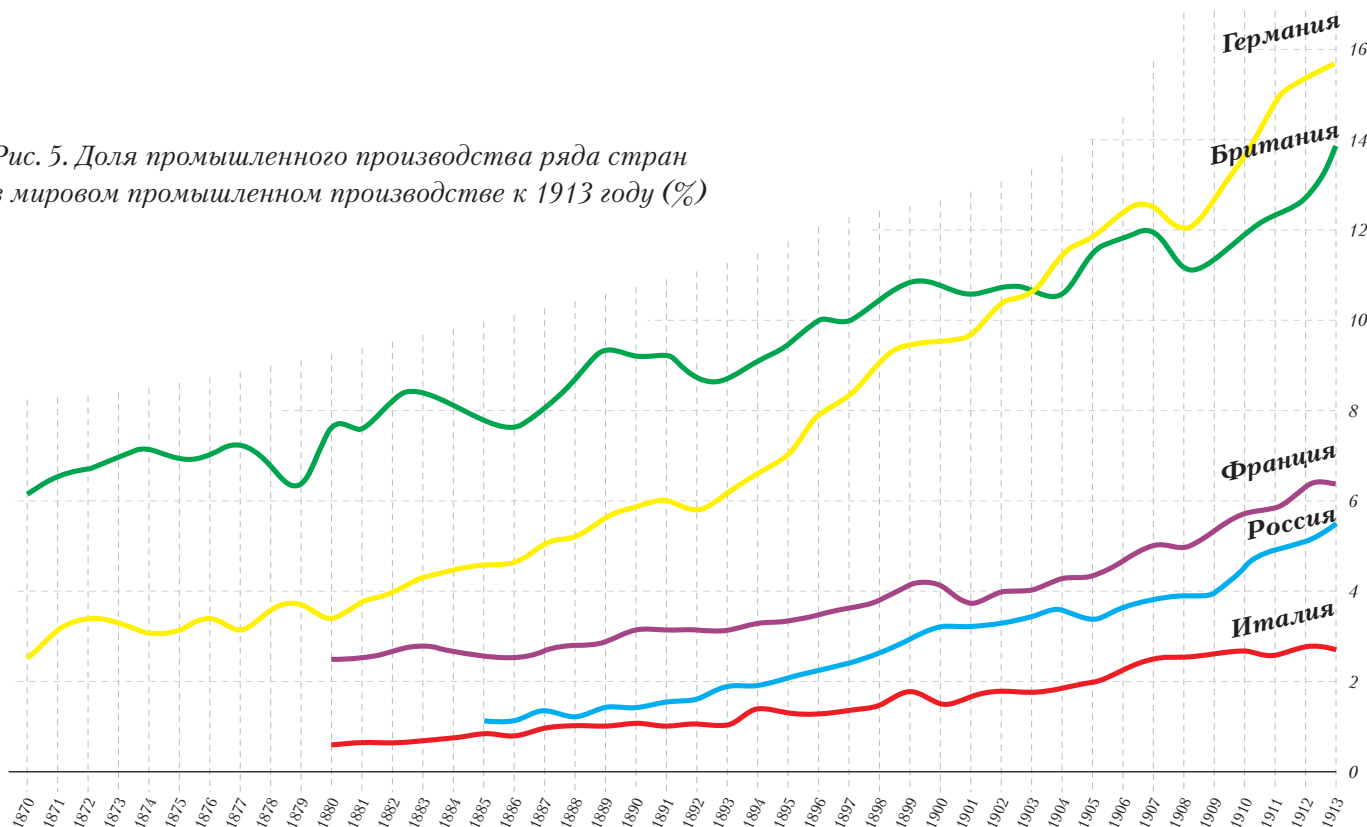
⁴⁸ Сванидзе Н. Исторические хроники с Николаем Сванидзе. СПб., АМФОР-РА, 2007. С. 24.

⁴⁹ Пересчет по Симчера В. М. Развитие экономики России за 100 лет 1900—2000. М., 2006. С. 196.

⁵⁰ Рассчитано по Industrialization and foreign trade. Economical, financial and transit department League of Nations. 1945. (Reprinted by the United Nations — 1948) URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015073221106;view=1up;seq=1>

⁵¹ Там же.

Рис. 5. Доля промышленного производства ряда стран в мировом промышленном производстве к 1913 году (%)

Как мы видим, до 1900 г. за лидерство по темпам промышленного роста на Европейском континенте шла борьба между Германской и Российской империями. Российская промышленность развивалась быстрее, чем французская или английская. Однако после кризиса начала XX в. темпы роста российской промышленности по сравнению со странами-лидерами упали.

С 1900 по 1909 гг. Россия по росту доли промышленности в мировом хозяйстве стала уступать не только Германии, США, Великобритании, но и Франции. Некоторый скачок темпов промышленного развития России наблюдался в 1910–1911 гг., но он быстро сошел на нет. Перед началом Первой мировой войны темп роста российской промышленности в мировом масштабе стал сравним с французским, однако силь-

но уступал темпам роста США, Германии и даже Великобритании. То есть при сохранении существовавшей на тот момент модели развития Россия ни догнать, ни тем более перегнать ведущие промышленные державы не могла.

Исследователи начала века еще могли добросовестно ошибаться в оценках блестящих перспектив промышленности Российской империи, хотя бы в силу неполноты накопленных к тому моменту экономических, демографических и прочих знаний. Однако в наше время заявлять, что России 1913 года оставался лишь шаг до мирового промышленного лидерства, можно только с откровенно пропагандистскими целями.

Но в мифе о близком промышленном лидерстве России накануне Первой мировой войны есть и еще один фундаментальный изъян.

Трудовые мигранты, Москва. 1909

Юзовский завод. 1914

Иностранный капитал в российской промышленности

Особое и очень важное место при рассмотрении экономического положения Российской империи начала XX в. занимает вопрос об иностранных капиталах в отечественной промышленности.

Здесь мы считаем нужным опровергнуть утверждения некоторых критиков царизма о Российской империи как «явной колонии» ведущих стран Запада. В действительности характер российской экономики, и в том числе российской промышленности, не был

ни колониальным, ни полуколониальным.

Промышленные предприятия России, как национальные, так и иностранные, ориентировались, прежде всего, на внутренний российский спрос, тогда как колониальная модель подразумевает жесткую связь иностранных инвестиций с потребностями рынка метрополии. Тем не менее, утверждать, что доля иностранного капитала в промышленности Российской империи составляла, как говорится в некоторых изданиях, претен-

⁵² Платонов О. Энциклопедия купеческих родов. М., 1995. С. 31.

⁵³ Петров Ю. А. Россия в 1913 году: экономический рост // Наука и жизнь. 2014. № 7. С. 10.

⁵⁴ Мошенский С. З. Рынок ценных бумаг Российской империи. М., 2014. С. 191.

⁵⁵ Сванидзе Н. Исторические хроники с Николаем Сванидзе. СПб.: АМФОРА, 2007. С. 24.

⁵⁶ McKay J. P. Pioneers for Profit. Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization, 1885–1913. Chicago and London, 1970. P. 28.

дующих на «энциклопедичность», или в статьях ряда современных отечественных историков, от 9%⁵² до 18%⁵³, — значит грубо фальсифицировать историческую реальность.

Дело в том, что официальная российская экономическая статистика того времени считала национальным любое предприятие, если его устав был зарегистрирован на территории России. Происхождение капитала и гражданство владельцев и бенефициаров (выгодоприобретателей) предприятия — российскую статистику не интересовали. В результате, например, в 1898 году, по официальным данным Министерства финансов, в Российской империи было открыто всего 24 иностранных предприятия, в то время как одни только бельгийцы считали, что в России в этот год было открыто более 30 принадлежащих им компаний⁵⁴.

Большинство авторитетных оценок фактической доли иностранного капитала в акционерных предприятиях российской промышленности накануне Первой мировой войны варьируют от 40% до 50%.

Самое удивительное, что даже этот факт, оказывается, можно выдать за достижение. К примеру, Н. Сванидзе эти оценки признает, но заодно утверждает, что такое участие иностранного капитала в российской промышленности есть ни что иное, как показатель успешной конкуренции национального капитала с иностранным⁵⁵.

Насколько «успешно» формировалась тенденция конкуренции российского капитала с иностранным, показывают данные английского исследователя Дж. Маккея. По его расчетам, доля иностранного капитала в акционерных предприятиях России последовательно увеличивалась с 17% в 1880 году до 47% в 1914 году⁵⁶ (рис. 6).

Рис. 6. Доля иностранного капитала в активах российской промышленности в 1880–1914 гг. (%)

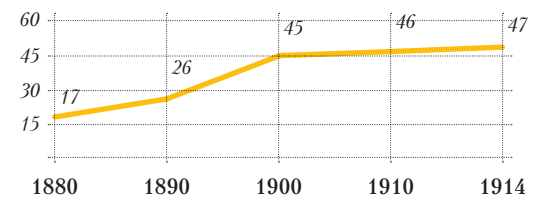
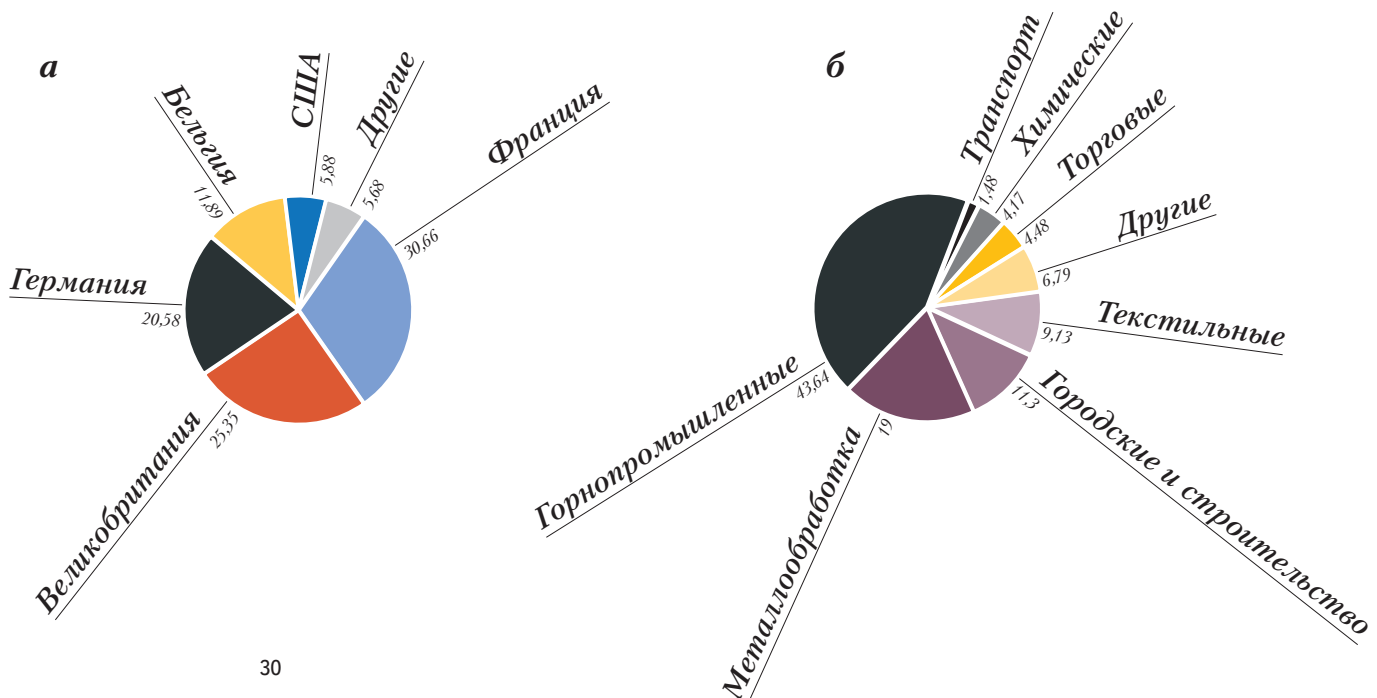

Рис. 7. Доля иностранного капитала в Российской Империи по странам и по отраслям к началу Первой мировой войны (%)

С учетом этих данных нельзя не задаться вопросом к г-ну Сванидзе: если потеря «Россией на взлете» почти половины национального рынка производственного инвестиционного капитала — это конкурентный «успех», то что же такое тогда провал?

В русскую промышленность вкладывали значительные деньги предприниматели почти всех стран Европы и США. Однако наибольшие по объему инвестиции были представлены французскими, английскими, германскими и бельгийскими капиталами⁵⁷ (рис. 7-а).

По отраслям народного хозяйства России иностранные вложения были распределены неравномерно, концентрируясь в горнодобывающей промышленности, в металлургии и металлообрабатывающей отрасли, а также в текстильной и химической промышленности⁵⁸ (рис. 7-б).

При этом в период накануне Первой мировой войны некоторые стратегические отрасли российской промышленности на 50–90 % (!!!) принадлежали иностранному капиталу.

Так, более 50 % всех инвестиций в добычу угля на территории Российской империи было иностранного происхождения, причем 80 % из этого капитала принадлежали французам и бельгийцам⁵⁹. В частности, шахты предприятий, принадлежавших иностранному капиталу, добывали более 70 % донецкого угля⁶⁰.

Более 98 % чугуна, производимого в главном металлургическом центре России, южнорусском регионе, выплавлялось на предприятиях, которые либо полностью, либо на условиях доминирования принадлежали иностранному капиталу⁶¹. Подавляющая часть этого капитала также имела французское или бельгийское происхождение.

Кроме того, французам принадлежали и наиболее крупные судостроительные мощности Российской империи (Общество русско-балтийских судостроительных заводов), а также весьма существенная часть российского производства вооружений (Русское общество производства артиллерийских снарядов)⁶².

⁵⁷ По данным Оль П. В. Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России. Л., 1925. С. 15.

⁵⁸ Там же. С. 14.

⁵⁹ Эвентов Л. Я. Иностранные капиталы в русской промышленности. М., 1931. С. 48.

⁶⁰ Бакулев Г. Д. Развитие угольной промышленности Донецкого бассейна. М., 1955. С. 153.

⁶¹ Зив В. С. Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности. Пг., 1917. С. 8, 10.

⁶² Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. В 3-х т. Т. 2: Капитализм. М., 1948. С. 587.

Представители акционерного общества и гости, присутствующие при закладке завода акционерного общества Вестингауза. 25 мая 1899

⁶³ Маевский И. В. К вопросу о зависимости России в период Первой мировой войны // Вопросы истории. 1957. № 1. С. 73.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 73–74.

⁶⁶ См., например: Сейдаметов Д., Шляпников Н. Германо-австрийская разведка в царской России. М., 1939. С. 26–33; Никитинский И., Софинов П. Немецкий шпионаж в царской России. М.: Научно-издательский отдел Управления государственными архивами НКВД СССР, 1942. С. 21–23; Орлов В. Г. Двойной агент: Записки русского контрразведчика. М., 1998. С. 208–210; Агеев А. И. Экономический шпионаж в Первой мировой войне // Вестник Финансового университета. Войны и политика. 2017. № 4. С. 52–61.

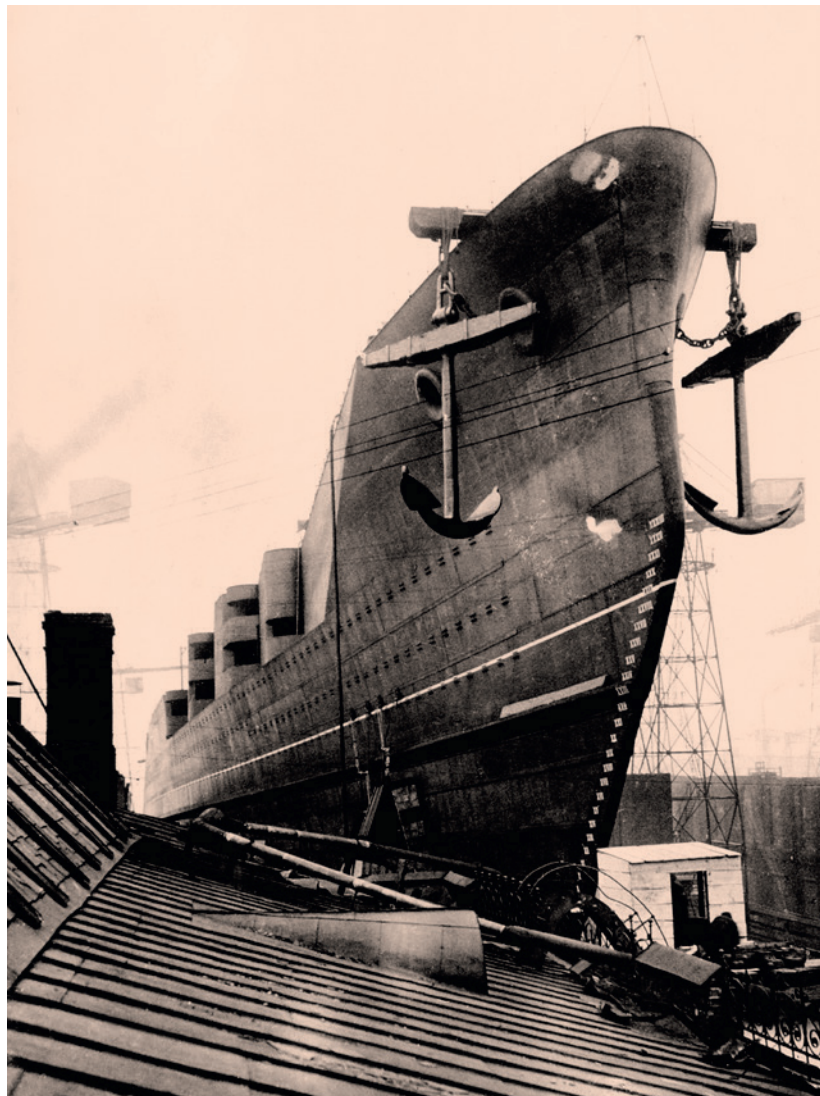
Цветная металлургия России была почти полностью сосредоточена в руках английских промышленников. Они владели около 60% добычи и выплавки меди в России, а также более 70% добычи и производства таких драгоценных металлов, как золото и платина⁶³.

Германскому капиталу почти на 90% принадлежала такая высокотехнологическая отрасль, как электротехника⁶⁴. Химические предприятия России также в значительной степени контролировались немецким бизнесом.

Очень большое проникновение немецкого капитала было и на предприятиях военной промышленности Российской империи. В частности, к началу Первой мировой войны под контролем германского капитала оказались Невский судостроительный и Механический заводы, заводы Линге, Беккера, Охтинское адмиралтейство, Шлиссельбургский пороховой завод и др.⁶⁵.

Такое колоссальное вторжение иностранного капитала (включая капитал будущего военного противника) в экономическую систему империи не могло остаться без военно-политических последствий. В том числе потому, что оно очевидным образом ставило под сомнение возможность России проводить независимую внешнюю политику. Отметим, что, хотя с началом войны немецкие предприятия были в основном национализированы (переведены под контроль казны), на них оставалось немало «проблемных» для российской контрразведки немецких инженерных и управляющих кадров, без которых эти предприятия просто не могли устойчиво работать⁶⁶.

Кроме того, многие типы необходимой стране промышленной продукции (в том числе военного назначения) просто не могли быть произведены в России без иностранных комплектующих, которые поставляли державы стран Оси. Например, из-за этого была остановлена и в итоге прекращена стратегическая программа обновления российского военного флота — строительство бронированных линейных крейсеров серии «Измаил» («Измаил», «Бородино», «Кинбурн», «Наварин»). Важнейшие комплектующие для этих крейсеров, включая подшипники механизмов поворота орудийных башен, в России не производились и были заказаны в Германии и Австро-Венгрии, но не поставлены российским заказчиком⁶⁷.

Корпус линейного крейсера «Наварин» перед спуском в воду. 9 ноября 1916

*Крушение императорского поезда близ станции Борки 17-го октября 1888 г.
(Из книги Всемирная иллюстрация т. 40 (№ 1034) 1888 г., стр. 380)*

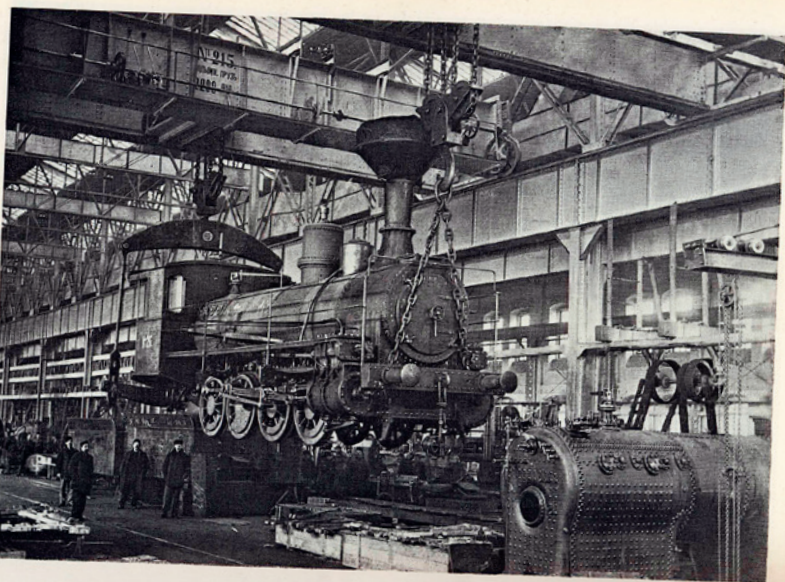
«Железнодорожный провал» императорской России

Полноценная национальная экономика, и тем более развитая индустрия, не может существовать без массовых, дешевых и не зависящих от времени года перевозок. Это всегда было особенно важно для Российской империи, территория которой раскинулась чуть не на полмира. В конце XIX — начале XX века такие перевозки в континентальной России могли обеспечить только железные дороги. Именно поэтому мистификаторы от истории в своих попытках доказать невиданный эконо-

мический взлет России в 1913 г. никак не могут обойти железнодорожную тему.

По этой теме исследуемые нами мистификаторы предъявляют в свою пользу два главных аргумента. Первый — Российская империя якобы за год в среднем строила железных дорог больше, чем Советский Союз. И второй — прибыльность казенных железных дорог в России была настолько высока, что финансово обеспечивала погашение большей части государственных долгов того времени и процентов по ним.

⁶⁷ Кузнецов Л. А. Линейные крейсера типа «Измаил». СПб., 2011.

Сормовский завод. Паровозный цех. Конец 1890-х гг.

Сормовский завод. Паровозный цех (фотография Максима Дмитриева). 1906

Начнем со второго аргумента. Б. Л. Бразоль, в частности, пишет: «Накануне войны 1914–18 гг. доход государственных железных дорог покрывал 83% годовых процентов и амортизации государственного долга»⁶⁸. А далее то же самое воспроизводит множество последователей Бразоля.

Казалось бы, в нормальной государственной логике растущей экономики ситуация должна складываться строго наоборот. Для того, чтобы товары были дешевле, а значит, более конкурентоспособны на рынке, нужно было снижать их себестоимость и рыночную цену. И в том числе очень высокие для огромной России транспортные издержки поставок сырья, производства товаров и их доставки потребителю. Но вместо этого правительство империи держало очень

высокие казенные железнодорожные тарифы, тем самым тормозя конкурентоспособность и рост собственной экономики!

Почему возник такой парадокс?

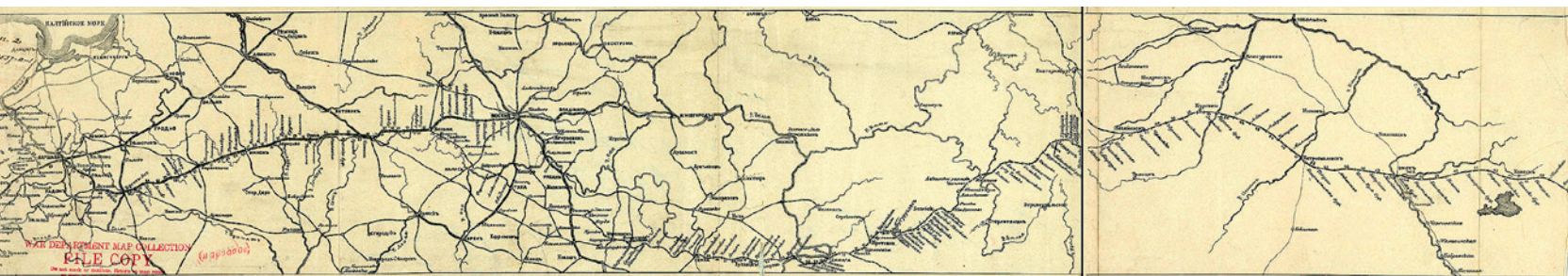
Разразившейся мировой экономической кризис 1900 г., русско-японская война и Первая русская революция, как уже говорилось выше, практически привели Российскую империю к финансовому краху. Расширенное использование внешних кредитов стало уже невозможно или почти невозможно. Кроме того, революция 1905–1907 гг. заставила царское правительство пойти на отмену выкупных платежей с крестьянства за выделяемые в собственность земельные наделы. А эти платежи составляли около 6% доходов бюджета империи.

Для того, чтобы выплачивать ранее взятые международные займы и проценты по ним и одновременно поддерживать бюджет, нужно было найти какие-то новые источники государственных доходов. Одним из таких важнейших источников и стали железные дороги. Правительство сократило инвестиции в казенное железнодорожное строительство более чем втрое, и одновременно начало рассматривать железные дороги как сугубо коммерческие предприятия⁶⁹.

Главным критерием успешной деятельности железных дорог стало получение максимально возможной прибыли при минимальных эксплуатационных расходах. Прибыль должна была обеспечиваться любой ценой. Крупный российский инженер В. И. Гриневецкий сокру-

⁶⁸ Бразоль Б. Л. Указ. соч. С. 8.

⁶⁹ Елютин О. Н. «Золотой век» железнодорожного строительства в России и его последствия // Вопросы истории. 2004. № 2. С. 47–57.

шенно писал, что в этот период в России «транспорту ставилась фискальная задача — максимальная доходность, а не органическая — содействие развитию производительных сил страны»⁷⁰. По признанию другого русского инженера-транспортника, И. Д. Михайлова, «Были дороги, где их начальники ухитрялись в течение года загонять экономию в миллион рублей при бюджете в 10–12 млн рублей»⁷¹.

Экономии на всем: на рельсах, на обустройстве насыпей, на шпалах, на подвижном составе — паровозах и вагонах. Вплоть до того, что даже лучшие российские паровозостроительные заводы оказывались загружены казенными (государственными) заказами менее, чем наполовину.

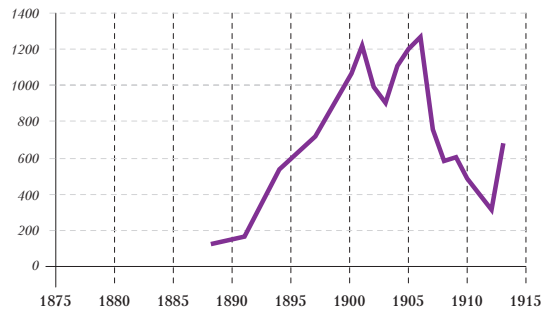
Так, паровозный парк Российской империи с 1908 г. по 1913 г. увеличился всего на 616 паровозов, что составляло 3% от их общего количества⁷². На 1912 г. около трети паровозов отслужили более 20 лет⁷³ — предельный срок эксплуатации машины, после которого ее полагалось списывать и заменять на новую⁷⁴ (рис. 8-а).

Не лучшим образом обстояло дело и с вагонами — их катастрофически не хватало.

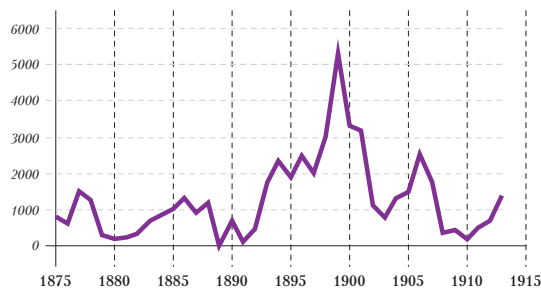
Ради экономии были резко сокращены и объемы строительства новых дорог. С 1900 по 1904 гг. в России в среднем вводилось около 1900 км новых железнодорожных путей в год. С 1905 по 1909 гг. — около 1300 км в год, а с 1910 по 1913 гг. — только 700 км в год⁷⁵ (рис. 8-б)⁷⁶.

Рис. 8. Некоторые показатели развития железных дорог Российской империи в конце XIX — начале XX вв.

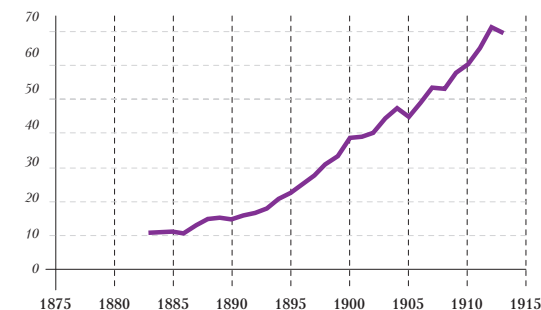
а) Заказы на производство новых паровозов (шт. в год)

б) Строительство в России новых железных дорог (км в год)

в) Ежегодная перевозка грузов в России (млрд тонна-километров)

⁷⁰ Гриневецкий В. И. Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 1919.

⁷¹ Михайлов И. Д. Эволюция русского транспорта. 1913–1925 гг. М.-Л.: 1925. С. 64.

⁷² Беспалов Н. Г., Елисеева И. И. Железные дороги России в XX веке в зеркале статистики, СПб., 2008. С. 92.

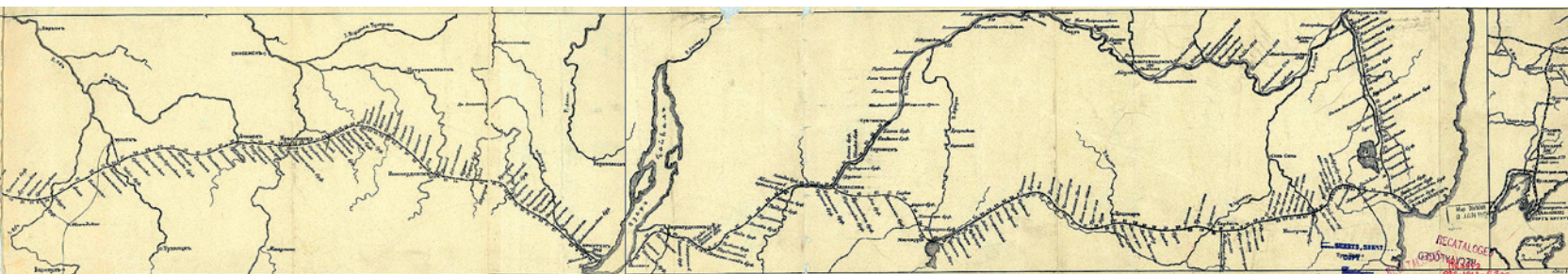
⁷³ Россия 1913 год: статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 154.

⁷⁴ Торгово-промышленный мир России. Отд. III. Часть III. Пг., 1915. С. 3.

⁷⁵ Афонина Г. М. Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 1990 г. Центральная научно-техническая библиотечка железнодорожного транспорта России. М., 1996.

⁷⁶ Афонина Г. М. Указ. соч.

Карта железных дорог Российской Империи. 1905

Один из построенных участков трассы Мурманской железной дороги 1916

Экономии и на том, что использовали в основном одноколейные пути. Это приводило к невозможности постоянного встречного движения поездов, требовало строительства, содержания и обслуживания огромного количества путевых железнодорожных разъездов и тем не менее в разы снижало скорости и предельные масштабы перевозок. В частности, необходимые ремонты дорожных участков полностью останавливали движение на линии. Тем не менее к 1913 году только 24,7% железных дорог Российской империи имели вторую колею⁷⁷.

Все это предопределяло повышенный износ рельсов, насыпей, паровозов, вагонов и, главное, резко снижало пропускную способность дорог и среднюю скорость перевозки грузов.

Эти проблемы отмечались специалистами и аналитиками правительства еще в конце XIX — начале XX вв. Они уже тогда писали в Правительство не только о бедственном состоянии железнодорожной сети и подвижного состава, но и о том, что реальная обеспеченность гигантской России железными дорогами

была в 10 раз ниже, чем в США, и в 1,5–4,5 раз ниже, чем в странах Западной Европы⁷⁸.

Но в 1909–1910 годах комплекс проблем железнодорожных перевозок в империи приобрел особую остроту. С 1909 г. экономика империи начала выходить из затяжного кризиса. А наличные железные дороги, паровозный парк и подвижной состав, в их плачевном количественном и качественном состоянии, уже не были в состоянии справиться с возросшими объемами грузовых и пассажирских перевозок⁷⁹ (рис. 8-в).

Для вывода железнодорожной отрасли из столь глубокого кризиса требовались большие деньги — и на обновление и увеличение парка локомотивов и подвижного состава, и на расширение, обустройство и ремонты железнодорожных путей.

Но денег правительство практически не выделяло.

Рост грузооборота (который, подчеркнем, еще далеко не достиг своего будущего «военного» максимума) уже приводил к так называемым «залежам» грузов. С начала XX в. эти залежи ста-

⁷⁷ Россия 1913 год: статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 112.

⁷⁸ Струве О. А. Обслуженность России железными дорогами в отдельных ее частях по сравнению с другими странами. СПб., 1909.

⁷⁹ Струмилин С. Г. Статистико-экономические очерки. М., 1958. С. 640–641.

ли обыденным явлением, а их объем уже никогда не опускался ниже 100 тыс. вагоно-месяцев в год⁸⁰.

Постоянная нехватка подвижного состава и пропускной способности приводила к тому, что еще накануне Первой мировой войны железные дороги империи не справлялись с вывозом зерна из хлебных районов страны. Хронически не доставлялась потребителям и значительная часть добытого угля Донбасса. Ограниченные возможности железных дорог по транспортировке грузов всё более явно сдерживали рост промышленности. Нарастали проблемы с пассажирскими перевозками.

К 1914 году железнодорожная сеть Российской империи была уже попросту не в состоянии обеспечить возросшие экономические и военные транспортные потребности страны⁸¹. Первую мировую Россия встретила с дорогами, которые не только отставали в техническом отношении от дорог западных стран, но и были в своей массе в предаварийном или попросту аварийном состоянии. И политика правительства Российской империи, направленная на выжимание из железных дорог максимальной прибыли при минимальных затратах, сыграла в таком глубоком кризисе решающую роль.

В связи с этим подчеркнем, что во время войны именно бедственное состояние железнодорожного транспорта стало одним из важнейших факторов почти полного коллапса российской экономики к концу 1916 года, и сыграло крайне значимую роль в крахе Российской империи. Так, в феврале 1917 г. председатель Государственной думы М. В. Родзянко в докладной записке Николаю II назвал главной причиной катастрофического положения с топливом, продовольствием и обеспечением армии в воюющей России — «неудовлетворительную работу транспорта, не позволяющего передвигать нужные продукты в необходимом количестве с одного места на другое»⁸².

Таким образом, мы видим, что лишь тот, кто совсем не считается с исторической реальностью, может объявлять развитие железных дорог в России перед Первой мировой войной «великими успехами», и использовать показатель финансовой прибыльности железных дорог во времена царствования Николая II в качестве индикатора экономической мощи страны.

Но это лишь часть «железнодорожной» составляющей мифа о «России на взлете», который мы обсуждаем. Еще одним дежурным аргументом творцов этого мифа, напомним, стало утверждение о том, что Российская империя строила в год гораздо больше железных дорог, чем СССР.

Так, Бразоль пишет: «В Царской России в период с 1880 по 1917 гг., т.е. за 37 лет, было построено 58 251 км, что дает средний годовой прирост в 1 575 км. За 38 лет советской власти, т.е. к концу 1956 г., было построено всего лишь 36 250 км, что дает годовой прирост лишь в 955 км»⁸³.

⁸⁰ Россия 1913 год: статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 104.

⁸¹ Михайлов И. Д. Указ. соч. С. 18–20.

⁸² Красный архив. 1924. № 10.

⁸³ Бразоль Б. Л. Указ. соч. С. 8.

Разработка трудом арестантов выемки

Действительно, Российская империя за 37 последних лет своего существования строила около 1,5 тыс. км железных дорог в год. Однако цифры, касающиеся Советского Союза, являются откровенной ложью. И доказать это легко данными из вполне надежных и доступных источников.

На конец 1956 г. в СССР эксплуатировалось 120,7 тыс. км железных дорог общего пользования и 78,3 тысячи километров дорог необщего пользования и местного назначения⁸⁴. Из них около 78 тыс. км досталось СССР (включая дороги на бывших территориях империи, которые СССР вернул в свой состав в 1939-1940 гг.)⁸⁵. Около 50 тыс. км железнодорожных путей Советской власти пришлось восстановить (фактически прокладывать заново) во время и сразу же после Великой Отечественной войны⁸⁶.

Простой расчет показывает, что в СССР за такие же 37 лет — причем без всякой внешней экономической помощи — было построено 171 тыс. км железнодорожных путей, что дает годовой прирост в 4600 км.

Таким образом, мы видим, что темпы строительства железных дорог в СССР были в три раза выше, чем в Российской империи. И это — без учета того, что Советскому Союзу пришлось практически полностью перестроить доставшиеся ему в наследство железные дороги: расширять магистрали, прокладывать почти везде вторую колею, укреплять и перестраивать дорожное полотно, строить новые мосты, создавать заново более широкие и укрепленные насыпи для увеличения грузоподъемности поездов.

Темпы железнодорожного строительства, которые развил СССР с опорой на внутренние ресурсы после революции, были жизненно необходимы для обеспечения хозяйственного развития и индустриализации страны. Отметим, что примерно о таких темпах накануне

Первой мировой войны писали экономисты, изучавшие этот вопрос и обеспокоенные критическим состоянием транспортной системы России⁸⁷. Но для Российской империи начала века, даже с учетом усиленной иностранной помощи, такие темпы были просто невычислимы.

Подводя итог анализу российской экономики начала XX века, мы видим, что, несмотря на рост ВВП и промышленности в конце XIX — первом десятилетии XX в., к началу Первой мировой войны Российской империи не удалось ни встать в один ряд с развитыми странами, ни обеспечить более высокие по сравнению с этими странами темпы промышленного роста, ни даже добиться финансовой и производственно-технологической независимости хотя бы в столь чувствительной для национального суверенитета сфере, как производство вооружений.

Реальная Россия к тому моменту не могла финансово-экономически и технологически противостоять большинству из пяти мировых империй, с интересами которых сталкивалась на своих границах и тем более любым их коалициям. А это, скорее всего, означало, что Россия раньше или позже была обречена стать третьим «больным Европы» после Османской империи и Австро-Венгрии. То есть кандидатом на империалистический раздел, независимо от участия или неучастия нашей страны в Первой мировой войне.

Но, быть может, творцы мифа о «России на взлете» правы хотя бы в том, что перед Первой мировой войной в стране стремительно улучшалось социально-экономическое положение и образование широких масс и тем самым создавался залог будущего модернизационного индустриального рывка?

Рассмотрим и этот круг вопросов.

⁸⁴ Народное хозяйство в СССР в 1956 г. (Статистический сборник) М., 1956. С. 177.

⁸⁵ Статистический сборник за 1913—1917 гг. (Выпуск второй). Труды ЦСУ том VIII, выпуск 2. М., 1922; Ковалев И. В. Указ. соч.

⁸⁶ Ковалев И. В. Транспорт в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.) М., 1981 (по тексту на http://militera.lib.ru/h/kovalev_iv/index.html)

⁸⁷ Елютин О. Н. «Золотой век» железнодорожного строительства в России и его последствия // Вопросы истории. 2004. № 2. С. 47—57.

М. Дмитриев. Рабочие кулебакского горного завода. 1916—1917

«Передовое рабочее законодательство»?

Борис Бразоль и те, кто продолжил его дело, представляют фабричное законодательство последних десятилетий Российской империи как передовое, а положение рабочих — как привилегированное.

В частности, в брошюре Бразоля утверждается, что «в царствование Императора Николая II, до созыва 1-й Государственной Думы⁸⁸, были изданы специальные законы для обеспечения безопасности рабочих в горно-заводской промышленности, на железных до-

рогах и в предприятиях, особо опасных для жизни и здоровья рабочих. <...>

Детский труд до 12-летнего возраста был запрещен, а несовершеннолетние и лица женского пола не могли быть нанимаемы на фабричную работу между 9-ю часами вечера и 5-ю часами утра.

Размер штрафных вычетов не мог превышать одной трети заработной платы, причем штраф должен был быть утверждаем фабричным инспектором. Штрафные деньги поступали

⁸⁸ Поскольку царствование Николая II охватывает период 1894—1917 гг., а Первая Государственная дума начала работу в апреле 1906 г., Бразоль имеет в виду период с 1894 г. по 1906 г.

С. М. Прокудин-Горский. Промывка старателями золотоносного песка. Березовские прииски. 1909

в особый фонд, предназначенный для удовлетворения нужд самих рабочих.

В 1882 году специальный закон урегулировал работу детей от 12 до 15 лет. <...> Но превосходство над теперешней марксистской системой заключалось, главным образом, в возможности рабочим защищать свои права оружием, называемым «классическим оружием рабочего класса»: в Царской России — можно было прибегать к забастовкам, тогда как в советской России забастовки невозможны. <...> Что же касается социального страхования, таковое было установлено уже в 1912 г.»⁸⁹.

Отметим, что приведенный выше отрывок (и не только он) был воспроизведен без кавычек и без ссылок на источник в официальной брошюре партии ЛДПР «Россия на взлете»⁹⁰.

Всеми перечисленными законодательными «достижениями» можно восхищаться, лишь ничего не зная ни о реальном развитии и применении фабрично-заводского законодательства в России, ни о развитии аналогичного законодательства за рубежом.

Во-первых, рабочее законодательство Российской империи значительно

отставало от европейского и создавалось (но с огромным запозданием и большими пробелами) по образцам рабочего законодательства Великобритании, Германии и Франции. Так, институт фабричной инспекции в Великобритании был введен в 1833 г., в России — в 1882 г. Причем создавалось это российское законодательство с очень существенным урезанием прав работников и столь же существенным расширением прав работодателей.

Во-вторых, благие намерения законодателя защитить самые основные интересы наемных работников десятилетиями лежали под сукном в виде непринятых законопроектов.

В-третьих, между рабочим законодательством Российской империи и законоисполнительной реальностью была дистанция огромного размера. После принятия нововведений, улучшавших положение рабочих, нередко следовал реверанс в сторону работодателя: выпускалась инструкция или циркуляр, извращающие или попросту обесмысливающие эти нововведения. Кроме того, рабочее законодательство практически повсеместно не выполнялось, поскольку наказание за его нарушение со стороны промышленников отсутствовало или было чисто символическим.

В-четвертых, рабочее законодательство Российской империи было ограниченного распространения. Оно применялось не на всей территории России и касалось только постоянных рабочих фабрик, заводов и предприятий горной промышленности, которые на тот момент составляли всего лишь около четверти всех наемных рабочих.

Закон о запрете детского труда, о котором упоминает Бразоль, не принимался почти 25 лет, встретив жесткое противодействие фабрикантов. Например, братья Хлудовы, владельцы крупнейшего бумагопрядильного завода в Рязани, находили этот законопроект вредным как для своего «бизнеса», так и для де-

⁸⁹ Бразоль Б. Л. Царствование императора Николая II в 1894—1917 гг. в цифрах и фактах. Минск, 1991. С. 8—9.

⁹⁰ ЛДПР. Россия на взлете. М., 2016. С. 13.

тей: «Дети, лишась заработков на фабриках, не принесут своим родителям никакого материального пособия, будут пребывать во вредной для их возраста праздности и расстроят свое здоровье, находясь вместо светлого и здорового помещения фабрики в душной атмосфере своей избы»⁹¹.

О том, какими были условия детского труда в якобы «светлых и здоровых» помещениях фабрик той эпохи, стоит прочесть хотя бы исследование Пажитнова⁹², содержащее множество документальных отчетов официальных фабричных инспекторов о труде работников, в том числе детей и женщин, в условиях, катастрофических и с точки зрения элементарной гигиены, и с точки зрения смертельного вреда для здоровья.

Закон «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» всё же был принят в 1882 г. Этот закон запретил фабричный труд детей до 12 лет и ночной труд подростков 12–15 лет. Рабочий день подростков был ограничен 8 часами. Хозяев предприятий обязали создавать начальные школы. Для контроля исполнения рабочего законодательства вводился институт фабричной инспекции.

Однако с принятием закона использование детского труда не прекратилось. В стеклодувной промышленности детский ночной труд использовался до 1917 г. И. И. Янжул (в 1880-е годы — фабричный инспектор над занятиями малолетних рабочих Московского округа), размышляя над рабочим вопросом уже в разгар революционных событий 1905–1907 гг., называет «законы восьмидесятых годов о труде малолетних, подростков и женщин» «забытыми», и призывает правительство к их «действительному, настоящему выполнению»⁹³.

Запрет ночных работ с 21:00 до 5:00 для женщин и несовершеннолетних 15–17 лет был введен в 1885 г. временным законом «О воспреещении ночной рабо-

ты несовершеннолетним и женщинам на фабриках, заводах и мануфактурах». Однако к закону вскоре последовало уточнение, что ночным считается другое время — с 22:00 до 4:00 часов. В результате предприятия повсеместно переходили на 13–14-часовую смену для женщин и подростков в так называемые «дневные» часы.

Что касается рабочего дня взрослого рабочего, то практически весь XIX век его продолжительность в России не была ограничена законодательно и могла составлять от 8 (на особо вредных производствах) до 18 часов в сутки.

⁹¹ Туган-Барановский М. И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. М., 1997. С. 380.

⁹² Пажитнов К. А. Положение рабочего класса в России. СПб., 1908.

⁹³ Янжул И. И. Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва: Материалы для истории русского рабочего вопроса и фабричного законодательства. СПб., 1907. С. 7.

М. Дмитриев. Выксунский завод. В горячем цехе

М. Дмитриев. Сормовский завод. В кузнечном цехе. 1910-е

Рабочие чаеразвесочной фабрики Высоцкого. Челябинск. 1910-е

Как правило, рабочие трудились по 14–16 часов в день с понедельника по субботу. В европейских странах к этому времени уже были введены ограничения рабочего дня: в Великобритании — до 10 часов, в Швейцарии — до 11 часов, в Германии — до 13 часов⁹⁴.

В. Гиляровский писал: «Мастеровые в будние дни начинали работы в шесть-семь часов утра и кончали в десять вечера. В мастерской портного Воздвиженского работало пятьдесят человек. Женатые жили семьями в квартирах на дворе; а холостые с мальчиками-учениками ночевали в мастерских, спали на верстаках и на полу, без всяких постелей: подушка — полено в головах или свои штаны, если еще не пропиты»⁹⁵.

Только 2 июня 1897 г. был принят закон «О продолжительности и распределении рабочего времени в заведениях фабрично-заводской промышленности», который ограничил рабочий день женщин и подростков 10 часами, мужчин 11,5 часами. Однако, во-первых, в законе вообще не были предусмотрены какие-либо санкции за его несоблюдение (!!!) и, во-вторых, циркуляр министра финансов от 14 марта 1898 г. попросту

отменил установленное законом ограничение сверхурочных работ для заводов и фабрик, вернув хозяевам предприятий возможности увеличения рабочего дня.

Специалистам порочность такой практики была очевидна уже во время революции 1905–1907 гг. Вот что писал об этом упомянутый выше фабричный инспектор И. Янжул: «Вместо того, чтобы идти навстречу справедливым желаниям рабочих получить некоторый голос и свободу в своих отношениях к хозяевам и вообще дать им мирным путем некоторые человеческие права., политика нашего Министерства финансов всегда решительно становилась на сторону интересов хозяев, чем насаждала в рабочих глухое недовольство и приводила к беспорядкам, а в конце концов привела и революции [1905–1907 гг.]... Между этим министерством, которому у нас были подведомственны до последнего времени одинаково промышленность, торговля и финансы, и промышленниками, в широком смысле, купечеством всегда существовало как бы «молчаливое соглашение» (*consensus tacitus*): «Мы вам даем деньги, а вы нас зато не очень тесните относительно рабочих!» В результате никакая решительная мера, очень невыгодная или неприятная для заводчиков, не пропускалась, а если случайно и проходила, как начатые нами описанные шаги фабричного законодательства, то Министерство финансов по возможности старалось такие мероприятия или свести на нет, или совсем не выполнять»⁹⁶.

Первый закон, регулирующий отношения хозяина предприятия и рабочего («Об утверждении проекта правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности, о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции»), был принят 3 июня 1886 г. в результате крупнейшей забастовки на Никольской мануфактуре («Морозовская стачка») в январе 1885 г. Одной из

⁹⁴ Мигеичева В. Л. Условия труда фабрично-заводских рабочих в Российской империи в последней четверти XIX в. // Инновационная наука. 2016. № 2–5 (14).

⁹⁵ Гиляровский В. А. Москва и москвичи. Минск, 1981. С. 233.

⁹⁶ Янжул И. И. Указ. соч. С. 27.

причин беспорядков были непомерные штрафы, доходившие до 50% заработка.

После принятия закона тем фабричным инспекторам, которые добросовестно относились к своим обязанностям, пришлось вести упорную борьбу с владельцами предприятий. По свидетельству помощника владимирского фабричного инспектора А. Микулина, большинство крупных и средних фабрикантов отнеслись к закону «явно враждебно, не желая соглашаться ни с одним из его основных положений и требуя предоставления им полной свободы, существовавшей до сих пор в отношении условий, предлагаемых ими при найме своим рабочим»⁹⁷.

Если же хозяин предприятия не находил «взаимопонимания» с инспектором, то прибегал к обману. Например, «не желая лишиться штрафных денег с рабочих, штрафы записывались фабрикантом, как бы выданные чистыми деньгами»⁹⁸. Использовались и другие способы обойти закон: когда штрафы работника достигали установленного законом максимума, рабочего увольняли и вновь принимали на работу с выдачей новой расчетной книжки.

Что касается возможности бастовать, как названного Бразолем главного преимущества рабочего Российской империи над «марксистской системой», то этой «привилегией» можно в России было пользоваться только под угрозой физического столкновения с полицией или войсками и лишения свободы. В отличие от ряда европейских стран, в России стачки вообще не являлись методом легальной борьбы рабочих за свои права. Закон от 3 июня 1886 г. ужесточил уголовное преследование за участие в забастовках. За «подстрекательство» к стачке предусматривалось тюремное заключение от 4 до 8 месяцев, за участие в стачке — от 2 до 4 месяцев.

За умышленное повреждение заводского имущества рабочему полагалось от 3 месяца до 1 года заключения (а при желании работодателя любая авария могла рассматриваться как такое повреждение), за досрочное расторжение договора по инициативе работника — до месяца ареста. Стоит добавить, что в предреволюционное десятилетие 1895–1904 гг. самой распространенной реакцией владельцев предприятий на стачку был вызов воинских частей или полиции, второй и третьей по популярности мерой были приглашение фабричного инспектора и увольнение участников конфликта⁹⁹.

Кроме того, на многих крупных предприятиях существовали так называемые черные списки неблагонадежных рабочих, поэтому за участие в стачке могло последовать увольнение с волчьим билетом. Черный список имелся, например, на Брянском рельсопрокатном заводе и состоял из 634 бывших мастеровых, уволенных с формулировкой «по подозрению в участии в стачке — без права обратного приема на работу»¹⁰⁰.

То есть у рабочих Российской империи, вопреки утверждениям мифотворцев, вообще не было никакой законной возможности защитить свои права с помощью забастовок.

Итак, мы видим, что столь благостно описанное Бразолем и К^о рабочее законодательство империи рубежа XX в. — на деле было крайне ущербным и к тому же в реальности почти не исполнялось. То есть оно по факту оказалось неспособно решить «рабочий вопрос» в стране ни в одном из его ключевых и наиболее болезненных аспектов. И об этом, в частности, более чем убедительно свидетельствуют три русских революции.

⁹⁷ Микулин А. Очерки из истории принятия закона 3 июля 1886 г. о найме рабочих на фабриках и заводах Владимирской губернии. Владимир, 1893. С. 55.

⁹⁸ Там же. С. 70.

⁹⁹ Шильникова И. В. Предпринимательские стратегии в разрешении трудовых конфликтов на российских промышленных предприятиях в конце XIX — начале XX в. // Вестник КГУ. 2015. № 1. С. 30–35.

¹⁰⁰ Касимов А. С. Условия найма рабочих в конце XIX — начале XX вв. (по материалам Центрально-Черноземного района) // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 701.

Родственники и друзья у тел убитых рабочих Ленских золотых приисков. 4 апреля 1912

«В 1912 году в Российской империи уже было социальное страхование?»

Как пишет Борис Бразоль, система социального страхования была создана в России уже в 1912 г.

Насущная необходимость принятия законов о социальном страховании возникла в России еще в 1880-х гг. Однако в течение десятилетий правительство и промышленники так и не смогли решиться на то, чтобы законодательно установить условия и суммы социаль-

ного обеспечения работника при производственном травматизме или болезни. Первый закон этого рода «О вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности» был принят лишь в 1903 году. Закон касался только несчастных случаев на производстве и почти не работал: его прак-

тическое применение было затруднено сознательно внесенными Госсоветом неясными формулировками.

В преддверии революционных событий 1905–1907 гг. правительство пообещало решить этот вопрос и 12 декабря 1904 г. выпустило декрет о необходимости введения государственного страхования рабочих. Далее премьер-министр П. А. Столыпин, выступая 6 марта 1907 г. перед депутатами II-й Государственной Думы, назвал «главнейшей задачей... государственное попечение о неспособных к труду рабочих, осуществляемое путем страхования их, в случаях болезни, увечий, инвалидности и старости»¹⁰¹.

Однако после спада революционных выступлений о «главнейшей задаче» было тут же забыто. Часть из предложенных Столыпиным страховых законов Дума приняла только в 1912 г., после знаменитого Ленского расстрела работников на золотых приисках под г. Бодайбо.

Причем эти законы 1912 года касались только социального обеспечения на случай болезни или производственного травматизма, и действовали только в губерниях европейской России и Кавказа.

Кроме того, эти страховые законы не распространялись на строительных и сельскохозяйственных рабочих, а так-

же на рабочих кустарных и ремесленных мастерских. На начало 1917 г. доля рабочих, на которых распространялось соцстрахование, составляла лишь 12% от общего числа рабочих Российской империи¹⁰².

Для сравнения: Германия приняла «три столпа» своего социального законодательства в 1880-е годы. В 1883 г. был принят «Закон о страховании рабочих на случай болезни», распространявшийся на всех наемных работников страны. В 1884 г. появился «Закон о страховании от несчастных случаев», в 1889 г. — «Закон о страховании по инвалидности и возрасту»¹⁰³.

Закон о пенсионном обеспечении и социальном страховании по инвалидности, аналогичный немецкому, в дореволюционной России так и не был принят, а страхование по болезни или производственному травматизму никогда не распространялось на всех наемных работников. Иными словами, принятые с большим опозданием и ограниченные по своему действию страховые законы 1912 года, защищающие интересы лишь каждого девятого из российских рабочих, — ни в коем случае нельзя назвать объявленной Бразо-лем системой социального страхования.

¹⁰¹ Государственная дума. Второй созыв: Стенографический отчет. 1907. Сессия II. СПб., 1907. Ч. I. С. 116.

¹⁰² Хаконова И. Б. Особенности проведения страховой кампании по социальному страхованию рабочих в завершающий период Российской империи (1913–1916 гг.) // Вестник Адигейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. № 2.

¹⁰³ Антропов Р. В. Социальное законодательство Германии во второй половине XIX в.: особенности, эволюция и роль в историческом процессе // Genesis: исторические исследования. 2015. № 3. URL: http://e-notabene.ru/hr/article_15172.html

М. Дмитриев. Нижегородские босаки

У бурговской ночлежки. 1890-е

«Самые низкие во всём мире налоги»?

Мифотворцы утверждают, что национальное богатство на душу населения в России к началу XX века стремительно росло, и его уровень быстро приближался к уровню ведущих стран мира.

Так ли это?

Реальное место России среди других стран по уровню средних подушевых доходов подданных на рубеже XIX–XX вв. было хорошо известно задолго до мифотворцев.

«Мы — самая бедная из культурных стран. Болгарин и серб имеют дохода в полтора раза более, чем русский, немец — почти в 3 раза более, англичанин — в 4,5 раза, австралиец — в 6 раз», — сокрушались современники.

Чтобы создать впечатление одновременно и благосостояния, и заботы правительства о населении, мифотворцы обращаются к теме «налогового бремени». Так, Бразоль и его последователи объявляют, что «в России налоги до Первой мировой войны были самыми низкими

Сравнительная таблица тяжести налогообложения в России и европейских государствах за 1912 год

	Россия	Австрия	Франция	Германия	Англия
Налогов на душу населения, руб.	11,2	24,6	41,6	27,4	48,5
Национальный доход на душу населения, руб.	83,3	227,0	354,8	292,3	463,5
Отношение налога к доходу, %.	13,5	10,8	11,7	9,4	10,5
Остаток дохода, руб.	72,1	202,4	313,2	264,9	415,0

во всём мире» . И приводят цифры, по которым налоги, собираемые с одного жителя, были в России в 4 раза меньше, чем в Англии.

Цифры — в абсолютном выражении правильные. Но с каких доходов жители платили эти налоги, и что у них оставалось на жизнь?

В табл. 4 приведены соответствующие данные по основным странам Европы за 1912 г.

Мы видим, что к 1912 году доход на душу населения в России по сравнению с 1900-м годом несколько вырос, однако его соотношение с развитыми странами

осталось прежним. Кроме того, вопреки утверждениям Бразоля, в процентном выражении налоги в России были не меньше, а больше, чем в европейских странах-конкурентах.

А остаток доходов после уплаты налогов (располагаемый подушевой доход) у нас в стране был почти втрое ниже, чем в сравнительно «бедной» Австрии, в 3,5 раза ниже, чем в Германии, и почти в 6 раз ниже, чем в Англии. Так что и здесь мифотворчество Бразоля и его последователей оказывается насквозь лживым.

Уровень средних подушевых доходов (в рублях) в разных странах мира. 1900

Земская школа. Урок ведет Серафима Александровна Мышкина. Неизв. авт. 1908–1912

«Народное образование достигло необыкновенного развития»?

Авторы мифа о «взлете» Российской империи в начале XX в. часто обращаются к теме народного образования. Б. Бразоль пишет, что народное образование достигло в те годы «необыкновенного развития».

Но если в начале XX в. народное образование в России достигло «необыкновенного развития», это означает, что российская система народного образования отвечала потребностям великой державы и могла обеспечить подготовку достаточного числа грамотных рабо-

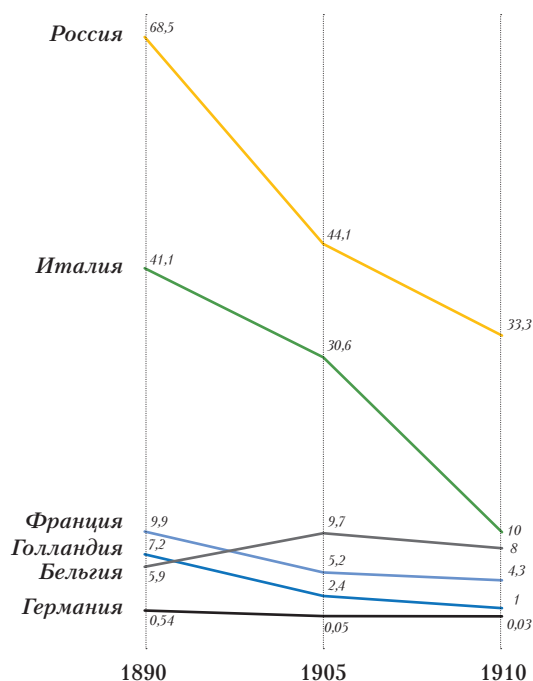
чих для столь необходимого Российской империи индустриального рывка.

Рассмотрим, насколько этот тезис и такой вывод соответствуют реальности.

Расцвет народного образования должен сказаться на грамотности населения. Однако, когда в 1897 г. в Российской империи была проведена первая общегосударственная перепись населения, ее результаты показали «огромное отставание России от абсолютного большинства стран Европы»¹⁰⁴: 76% населения оказались неграмотными!

¹⁰⁴ Кузьмин М. Н. Грамотность // Большая Российская энциклопедия. Т. 7. М., 2007. С. 618.

Рис. 9. Процент неграмотных новобранцев по европейским странам

Желая обойти этот печальный факт, мифотворцы, как правило, ссылаются на статистику опросов новобранцев императорской армии, поскольку процент грамотных среди новобранцев был выше, чем в целом по стране. Этот факт объясняется тем, что армейский призыв в основном шел из наиболее благополучных регионов России. Здесь грамотность новобранцев в начале XX века действительно росла, достигнув к 1913 г. 68%¹⁰⁵.

Однако если мы сравним российскую статистику с европейской, то убедимся, что новобранцы России по грамотности уступали новобранцам европейских стран, включая аграрную Италию (рис. 9)¹⁰⁶.

Однако такой — неутешительный для России — результат в действительности скрывает гораздо худшее положение дел. Обращаясь к этим статистическим данным, нужно учитывать еще и различия в методике определения грамотности между Российской империей и Европой.

В европейских странах и в СССР (после 1925 г.) степень грамотности дифференцировалась по трем категориям:

грамотные, малограмотные (не умеющие писать) и неграмотные. А вот в Российской империи (а также в первые годы существования СССР) официальная статистика, в отличие от остального мира, записывала в «грамотные» всех, кто «умел читать хотя бы медленно». Навыки письма в ней вообще не учитывались. Таким образом, «малограмотный» по европейской методике учета считался «грамотным» по российской.

Кроме общегосударственной переписи 1897 г., в Российской империи проводились также подворные переписи населения в губерниях европейской части страны, включающие и вопрос о грамотности. Подворная перепись второй половины 1880-х гг. выявила в европейской части России лишь 9% грамотных (то есть умеющих читать хотя бы медленно). В 1897 г. таких оказалось 23%, а в 1920 г., уже в первые годы Советской власти, — 33% грамотных¹⁰⁷.

При этом по переписи 1920 г. среди детей 12–16 лет (то есть среди тех, кто в годы «необыкновенного развития» народного образования в 1913–1915 гг. должен был бы посещать хотя бы начальную школу) грамотных было 71% мальчиков и 52% девочек¹⁰⁸, что дает 62% детей, «умеющих хотя бы медленно читать».

Таким образом, мы убеждаемся, что со времен Александра III число грамотных в империи росло, однако в 1910-е годы о всеобщей грамотности даже в европейской части России и даже среди молодежи речь идти не могла.

Для сравнения, Англия, Норвегия, Швеция, Швейцария, Голландия, Дания, Германия и др. достигли всеобщей грамотности (более 90% населения, умеющего читать и писать) к 1880-м гг. Процесс распространения грамотности в Российской империи не только отставал на полвека от европейских стран, но и шел более низкими темпами, чем в Италии или США. Например, в США в 1880 г. доля неграмотных среди чернокожего (!) населения была 61%, к 1910 г. — лишь 11%¹⁰⁹.

¹⁰⁵ Рашин А. Г. Население России за 100 лет. М., 1952. С. 304–305.

¹⁰⁶ Грамотность // Большая советская энциклопедия / М.: Советская энциклопедия, 1930. Т. 28. Изд. 1.

¹⁰⁷ Жуков В. И. Высшая школа России: история и современные сюжеты. М., 2000. С. 143–144.

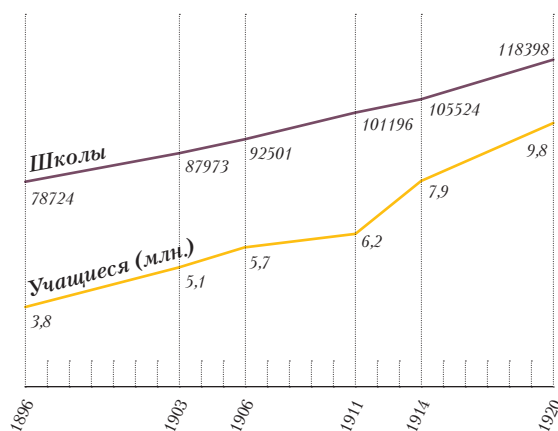
¹⁰⁸ Чтение в дореволюционной России: сборник научных трудов. М., 1992. С. 82.

¹⁰⁹ Perspectives on literacy / Kintgen I, Eugene R., II. Kroll, Barry M., Mike Rose the Board of Trustees, Southern Illions University. 1988. P. 238. Table 14.1.

¹¹⁰ Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи (данные 1896 г.). Вып. I. СПб., 1898. С. 290–291; Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи (данные 1905 г.). Одесса, 1908. Отдел I. С. XXVIII, 306–307; Россия 1913 год: статистико-документальный справочник / отв. ред. А. П. Корелин. СПб., 1995. С. 326, 343.

¹¹¹ Котомкина Е. А. Из истории народного образования в России 1917–1933 гг. Тверь, 2002. С. 22

Рис. 10. Количество начальных школ и учащихся в Российской империи

Далее, популяризаторы мифа о небывалом развитии народного образования в России до Первой мировой войны нередко указывают на быстрый рост в стране количества начальных школ и числа учащихся в них (рис. 10)¹¹⁰.

Однако уровень развития начального образования определяется не только ростом количества учебных заведений, но и квалификацией преподавательского состава.

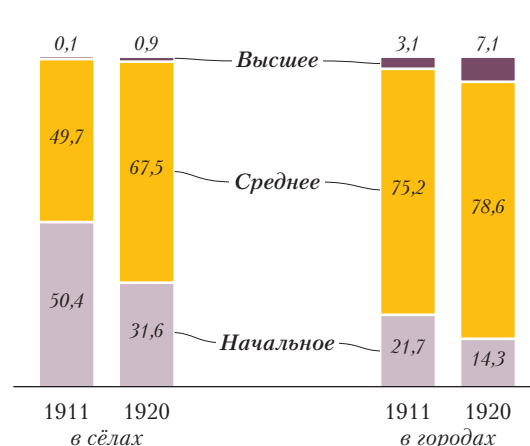
Но в империи начала XX века, в силу большой нагрузки и низкого социального статуса учителя начальной школы, работа в ней не могла привлечь хорошо образованных учителей. Зачастую в ней преподавали лица, не имеющие никакой специальной подготовки и обладающие лишь элементарными знаниями: не окончившие курс гимназисты, а также выпускники уездных и городских училищ.

Уровень образования педагогов начальной школы в России во втором десятилетии XX в. показан на рис. 12¹¹¹:

Как мы видим, незадолго до начала Первой мировой войны доля педагогов начальной школы, имеющих высшее или среднее образование, в городе не достигала 80 %, а в деревне была меньше половины.

На 1912 г. в Российской империи действовало 161 учебное заведение, го-

Рис. 12. Уровень образования педагогов начальной школы (%)

товящее преподавателей начальных школ, с общей численностью в 14,4 тыс. учащихся¹¹². Для сравнения, в СССР в 1924 г. функционировало 178 педагогических техникумов с 29,6 тыс. студентов¹¹³. В 1930 г. этот показатель составлял 439 и 89,6 тыс. соответственно.

При этом охват детей системой народного образования Российской империи в 1914 г. (7,9 млн) составлял приблизительно 40–45 % от общего числа детей школьного возраста. Иными словами, при «расцвете» народного образования и якобы бесплатном — и обязательном! — начальном образовании, более половины детей страны не посещали начальной школы, а нехватка и низкий образовательный уровень педагогов начальных школ даже не позволяли надеяться на скорые улучшения в этом вопросе.

Читателю будет небезынтересно увидеть, как «утка», пущенная рукой Бориса Бразоля, видоизменяется в трудах продолжателей его дела.

Б. Бразоль пишет: «Первоначальное обучение было бесплатное по закону, а с 1908 г. оно сделалось обязательным»¹¹⁴.

С. Говорухин в сценарии к фильму «Россия... которую мы потеряли» утверждает, что «в сельских школах с 1908 г.

¹¹² Россия 1913 год: статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 330.

¹¹³ Котомкина Е. А. Указ. соч. С. 41.

¹¹⁴ Бразоль Б. Л. Царствование императора Николая II в 1894–1917 гг. в цифрах и фактах. Минск, 1991. С. 10.

образование бесплатное и обязательное»¹¹⁵.

Программная брошюра ЛДПР идет еще дальше: «Школьное обучение (в гимназиях и реальных училищах) с 1908 года стало не только бесплатным, но и обязательным»¹¹⁶.

Все эти утверждения хоть как-то связаны с действительностью единственным обстоятельством. В 1908 г. в Думе и Государственном совете обсуждался законопроект министра народного просвещения П. фон Кауфмана «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи». Обсуждался, но в итоге был отклонен Госсоветом, то есть Думой не принят! 3 мая 1908 г. в России в действительности был выпущен вовсе не соответствующий законодательный акт, а лишь закон, дающий право земствам получать кредиты на строительство определенного количества школ в течение 10 лет¹¹⁷. То есть земства получили только право начинать строить и экономически обеспечивать новые школы в том случае, если они смогут это делать, то есть поддерживать созданные школы своими собственными и привлеченными у населения финансовыми ресурсами.

Полномасштабная реформа образования в России назрела и начала обсуждаться обществом уже во второй половине XIX в. Но если тогда основной акцент делался на проблемах дворянского образования, то с начала XX в. создание единой школы, ступени которой были бы преемственны друг к другу, и введение всеобщего начального образования стали одними из самых острых и актуальных вопросов развития страны.

Однако создание в России единой школы затруднялось еще и тем, что в империи существовало большое количество школ и училищ начального уровня с отличающейся «ведомственной припиской». Разные школы и училища подчинялись как нескольким Министер-

ствам (народного просвещения, внутренних дел и государственных имуществ), так и Священному Синоду, а также частным лицам и корпорациям. И почти все эти учебные заведения имели свои собственные программы, разные по объему и направленности, а также по ступеням и срокам обучения.

Проблемы создания единой школы, преемственности учебных программ разных ее ступеней, введения всеобщего начального бесплатного и обязательного образования — переходили, не находя решения, от одной Государственной думы к другой, от одного Правительства и Министерства народного просвещения к другому. В частности, различные варианты законопроекта о постепенном (за 10 лет) введении в Российской империи всеобщего начального образования были отклонены Госсоветом и в 1906-м, и в 1912 годах¹¹⁸.

О какой обязательности, всеобщности и бесплатности начального образования в 1913 г. можно говорить, если среди главных требований, выдвинутых на I Всероссийском съезде учителей (декабрь 1913 — январь 1914 гг.), были введение всеобщего обязательного бесплатного начального обучения и преобразование начальной школы в часть общеобразовательной средней школы¹¹⁹ (то есть создание единой, преемственной по своим программам, школы)?!

Резюмируя, нужно признать, что якобы существовавшая в Российской империи начала XX в. система образования — на деле вовсе не была системой и принципиально не могла дать огромным массам населения хотя бы начальное образование. А темпы охвата населения образованием — не только начальным, но и более высокого уровня, — принципиально не позволяли обеспечить грамотными кадрами столь необходимые стране экономическую модернизацию и индустриализацию.

¹¹⁵ Говорухин С. С. РОС-СИЯ... Которую мы потеряли. М., 1991 г. С. 6.

¹¹⁶ ЛДПР. Россия на взлете. М., 2016. С. 28.

¹¹⁷ Программа реформ П. А. Столыпина. Документы и материалы. — М., 2002. — Т. 1.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Усманов М. И. Общественно-политические воззрения графа Павла Николаевича Игнатъева — министра народного просвещения // ИСОМ. 2015. № 8. С. 80–82.

Выводы

1. Утверждения об экономическом и промышленном «взлете» России конца XIX — начала XX века — это миф, созданный правомонархическими черносотенными кругами русской эмиграции, тесно связанными с германским нацизмом с самого раннего периода его развития. Авторы и первые популяризаторы этого мифа активно сотрудничали с Гитлером, воевали против Советского Союза на стороне фашистской Германии, а после ее разгрома перешли «под крыло» американских спецслужб.
2. С конца 1980-х годов этот миф, призванный очернить советскую эпоху в сравнении с «благой» имперской, а также стать аргументом для реставрации монархии на территории СССР и легитимации притязаний «Кирилловичей» на российский престол, — был подхвачен и распространен на постсоветском пространстве так называемыми «либеральными» и беломонархическими кругами, работавшими на дискредитацию и разгром СССР и далее России.
3. Все основополагающие компоненты рассматриваемого мифа о стремительном «взлете» России в начале XX века, якобы прерванном мировой войной и Революциями, — являются грубой апологетической фальсификацией реального положения дел в Российской империи.
4. Бюджет Российской империи предвоенного десятилетия не только не был устойчиво профицитным, но и в очень большой степени зависел от зарубежных кредитов. Общий финансовый итог жизни России за 1903–1913 гг. — потери почти 2 млрд золотых рублей, а вовсе не накопление и использование финансовых средств на экономический и социальный, в том числе индустриальный, «рывок».
5. Серьезных внутренних капитальных накоплений для форсированной модернизации страны (и, в том числе, жизненно необходимой индустриализации) власть Российской империи обеспечить не смогла и в результате получила глубокую зависимость национальной финансовой системы от большого долгового бремени и постоянной масштабной кредитной «подпитки» экономики зарубежными кредитами, а также спекулятивными (портфельными) и прямыми инвестициями.
6. Эта зависимость в преддверии войны лишала страну устойчивого финансового суверенитета. Она приводила к фактическому захвату большей части банковского сектора страны иностранным капиталом и вынуждала — для обеспечения критически важного импорта и поддержки бюджета — к форсированному «выкачиванию» средств из отраслей сельскохозяйственного и сырьевого производства, а также из казенной промышленности (прежде всего, из сферы железнодорожных перевозок).

7. Промышленные отрасли предвоенной России, и особенно отрасли высокотехнологического производства и высокого передела, в очень большой степени — примерно наполовину — контролировались иностранным капиталом, и в том числе капиталом стран — будущих военных противников. Такой внешний контроль приводил к несистемному развитию промышленного комплекса: важнейшие современные индустриальные отрасли находились в зачаточном состоянии или отсутствовали.
8. Этот глубокий внешний контроль распространялся на стратегические отрасли добычи сырья, энергетики, металлургии и даже на ключевые оборонные предприятия. Такая зависимость в годы войны оказывала решающее негативное влияние на внешнеполитические и военные действия страны, вплоть до остановки критически важных оборонных программ, а также до проведения по требованиям союзников (кредиторов и поставщиков вооружений и военного снаряжения) крайне невыгодных и болезненных для положения России наступлений на фронтах.
9. К началу Первой мировой войны железнодорожное хозяйство империи — важнейшая для огромной по протяженности страны отрасль обеспечения экономической деятельности и бесперебойной транспортировки грузов и боевых контингентов в условиях войны — находилась в катастрофически кризисном состоянии.
10. Темпы роста национального и душевого дохода, а также промышленного развития России перед Первой мировой войной были ниже, чем у основных крупных стран-соперников в Европе и мире, и не давали никаких реальных шансов для выхода страны в группу мировых экономических лидеров.
11. Вопреки утверждениям создателей мифа о «России на взлете», социально-экономическое положение широких народных масс в Российской империи было гораздо хуже, чем в ведущих странах-соперниках в Европе и мире.
12. Якобы передовое, по утверждениям «мифотворцев», рабочее законодательство России на полстолетия отставало от рабочего законодательства всех ведущих стран мира, и в том числе крупнейших европейских стран. При этом российское рабочее законодательство хотя бы отчасти гарантировало минимальные социальные права только для ничтожной части наемных работников страны.
13. В сфере охраны труда работников, и в особенности детского и женского труда, даже после принятия в империи законов о фабричной инспекции на фабриках и заводах в основном сохранялись вопиющие условия сверхэксплуатации работников в крайне опасных и вредных для здоровья условиях.

14. Такое давно завоеванное в ведущих странах мира средство борьбы работников за свои права, как забастовки, в Российской империи было законодательно запрещено, участие рабочих в забастовках каралось военно-полицейскими мерами, тюремными сроками и включением в черные списки, препятствующие их последующему найму на работу.
15. Вопреки утверждениям творцов и сторонников рассматриваемого мифа, относительное налоговое бремя подданных Российской империи было одним из самых высоких в Европе и мире, а их средний подушевой доход — одним из самых низких в Европе, ниже, чем у многих бедных стран. Причем с конца XIX века до начала Первой мировой войны разрыв в благосостоянии широких российских масс в сравнении с их положением в основных странах-конкурентах не снижался, а рос. То есть никакого опережающего повышения благосостояния народных масс в период якобы происходившего «взлета» России не было.
16. В сфере народного образования Россия также на несколько десятилетий отставала от ведущих стран мира и Европы. Империя принципиально не могла обеспечить форсированное экономическое и тем более индустриальное развитие страны хотя бы грамотными работниками низшей квалификации. Вопреки утверждениям творцов рассматриваемого мифа, в стране к началу Первой мировой войны не было даже всеобщего начального (тем более бесплатного) обязательного образования, а преподавательский состав начальной школы в его основной массе (особенно на селе) не имел хотя бы минимальной педагогической подготовки. В действительности к 1914 году начальным образованием в России было охвачено менее половины детей школьного возраста.
17. Анализ ключевых аспектов жизни поздней Российской империи убедительно показывает, что Россия накануне Первой мировой войны была в глубоком кризисе и в сфере финансово-промышленной, и в сфере социально-экономической. Утверждать, что она была «на взлете» и в одном шаге от достижения мирового лидерства, призывать брать с той эпохи пример как с эпохи успешного, стремительного и эффективного развития — значит распространять заведомую и вопиющую ложь.
18. Такая беззастенчивая фальсификация исторической реальности может иметь лишь далеко идущую радикально-антироссийскую цель — сломать даже те ростки восстановления страны из постсоветской разрухи, которые сегодня всё еще дают России шанс устоять и вернуть себе высокую историческую миссию.

Оглавление

Исторические трясины	3
Была ли Россия начала XX века «Россией на взлете»?	13
Истоки и воспроизведение мифа	14
«Бездефицитный бюджет»?	19
«Один шаг до экономического лидерства»?	24
Иностранный капитал в российской промышленности	29
«Железнодорожный провал» императорской России	33
«Передовое рабочее законодательство»?	39
«В 1912 году в Российской империи уже было социальное страхование»?	44
«Самые низкие во всём мире налоги»?	46
«Народное образование достигло необыкновенного развития»?	48
Выводы	52

И С Т О Р И Ч Е С К И Е Т Е Т Р А Д И

Аналитика горячих точек нашей истории

Тетрадь № 3

Была ли Россия начала XX века «Россией на взлете»?

Авторы

Д.С.Ветчинкин

Д.Б.Горшков

С.Г.Моисеева

Н.А.Поляков

А.А.Стратонников

Главный редактор

С.Е.Кургинян

Подписано в печать 22.03.2018. Формат 60x90 1/8
Бумага офсетная. Гарнитура «Кудряшевская». Печать офсетная
Усл. печ. л. 6. Тираж 1600 экз. Заказ № D-0000

Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
123001, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр.1–2

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»
119049, г. Москва, Ленинский проспект, д. 4, стр. 1 А